

БОЯРСКОЕ КОРМЛЕНИЕ.

Посвящается князю Александру Михайловичу Голицыну.

Въ первой книжкѣ «Русскаго Архива» 1889 г. напечатана статья г. Иловайскаго «Изъ исторіи царствованія Ивана Васильевича Грознаго»; въ томъ же году, въ четвертой книжкѣ, замѣтка Д. Д. Голохвастова «Историческое значеніе слова *кормленіе*», по поводу этого слова у г. Иловайскаго, въ его толкованіи лѣтописной выписки; въ пятой книжкѣ отвѣтъ г. Иловайскаго «Моимъ возражателямъ» и письмо г. Ключевского къ издателю «Русскаго Архива»: «По поводу замѣтки Д. Голохвастова».

Мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь въ этихъ статьяхъ, читается у лѣтописца, все сполна, такъ: «А боярамъ приказалъ государь безъ себя о Казанскомъ дѣлѣ промыслиати да и о кормленіяхъ сидѣти. Они же отъ великаго такого подвига и труда утомишася, и малаго подвига и труда не стерпѣша докончати, и возжелѣша богатества, и начаша о кормленіяхъ сидѣти, а Казанское строеніе поотложиша»¹⁾.

По г. Иловайскому, о кормленіяхъ сидѣти, тутъ значитъ «о раздачѣ кормленій въ награду служилымъ людямъ за покореніе Казани».

«Въ этомъ случаѣ слову *кормленіе*», возражаетъ Д. Д. Голохвастовъ, «очевидно приданъ современный намъ смыслъ питанія, эксплуатаціи въ свою личную, частную пользу. Я знаю, что г. Иловайскій далеко не первый впалъ въ эту ошибку; такъ, напримѣръ, покойный профессоръ С. М. Соловьевъ также понималъ это слово; но это не вѣрно. *Кормленіе* на старинномъ языкѣ значитъ правленіе. Слова: *корміи*, *кормило*, *кормійи*, *корміи* книга несомнѣнно одного корня со словомъ *кормленіе*; но въ нихъ очевидно нѣтъ ничего общаго съ понятіемъ о питаніи, объ эксплуатаціи въ свою личную, частную пользу, и всѣ они прямо указываютъ на понятіе объ управленіи. Дать кому-либо городъ или область въ *кормленіе*—значитъ поручить ему управленіе этой мѣстностью, или, какъ сказали бы теперь, сдѣлать его губернаторомъ. Бояре начаша о *кормленіяхъ* сидѣти, значитъ: бояре стали совѣщаться объ устройствѣ управленія вновь завоеваннымъ царствомъ».

¹⁾ Царственная Книга, Спб. 769, стр. 337.

«Что сказать», восклицаетъ г. Иловайскій, «о людяхъ, которые хотятъ поучать специалистовъ и даже дѣлать открытія въ Русской исторіи, обладая въ ней только элементарными свѣдѣніями? Еслибы возражатель былъ нѣсколько знакомъ съ литературою предмета, то онъ убѣдился бы, что вопросъ о кормленіяхъ *достаточно выясненъ* въ Русской исторіи, и что никакія открытія, въ родѣ предложенныхъ имъ, тутъ *невозможны*. Выступая съ возраженіемъ противъ меня, онъ не потрудился справиться съ тѣмъ, что у меня сказано о семь предметѣ во II-мъ томѣ моей «Исторіи Россіи».

Что же тамъ сказано о семь предметѣ такого особеннаго?

«А тамъ», продолжаетъ г. Иловайскій, «на стр. 363 и 364 сказано (между прочимъ) слѣдующее: такъ какъ бояръ было гораздо больше чѣмъ намѣстничествъ, то вошло въ обычай давать сіи послѣднія на небольшое количество времени (красиво сказано), напримѣръ на три года, чтобы почти всѣ бояре могли покормиться и нажить себѣ *разное имущество*».

Ново и глубокомысленно!

Сославшись прежде всего на собственные изреченія во II-мъ томѣ, какъ бы на каноническія о семь предметѣ, г. Иловайскій заявляетъ, что «*съ особенной ясностью* говорится о системѣ кормленій въ обширномъ введеніи къ книгѣ Б. Н. Чичерина: «Областные учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ». Между прочимъ тутъ сказано: Они (князья Рюриковичи), волею и неволею (?) покоривши Славянскія племена, приобрѣли въ подчиненныхъ имъ областяхъ право суда и право на полученіе дани; но на эти права они смотрѣли *единственно* какъ на источникъ дохода (Мономахъ, напримѣръ?), какъ на средство обогатить свою дружину. Въ послѣдствіи времени князья сдѣлались осѣдлыми въ своихъ областяхъ, но характеръ управленія остался тотъ же: *вся цѣль* состояла въ полученіи дохода княземъ и его слугами. Со времени Татарскаго владычества къ этому присоединились выходъ или дань и тамга, которыя сначала взиались въ пользу Татаръ, впоследствии же перешли въ казну княжескую. Такимъ образомъ *единственными* предметами управленія (Невскаго, Донскаго, напримѣръ?) были доходы и повинности, составлявшіе собственность князя-вотчинника. Доходы жаловались въ кормленіе княжескимъ слугамъ. Судъ отдавался въ кормленіе намѣстникамъ и волостелямъ. Душегубство вмѣстѣ съ остальнымъ судомъ бывало въ кормленіи за волостелями. Все это опредѣлялось не правительственными соображеніями, а расположеніемъ князя къ тому или другому кормленщику. Штрафованіе было произвольное; судья извлекалъ изъ преступника все что могъ. Имѣлось въ виду не столько

преступленіе, сколько доходное дѣйствіе. Преступленіе составляло какъ бы собственность судьи»²⁾.

«Часто», говоритъ К. С. Аксаковъ, «повторялось съ ужасомъ это слово *кормиться*, понимаемое въ современномъ разговорномъ значеніи, безъ изслѣдованія историческаго; и публика думала, что бояринъ, управляющійся кормиться, беретъ что хочетъ, что все имущество ввѣреннаго народонаселенія предоставляется ему по праву въ полное распоряженіе. Но то ли значило прежде слово кормиться, что такъ наивно и легко подразумѣваютъ теперь подъ этимъ словомъ? Знакомство съ памятниками показываетъ намъ совсѣмъ другое. Поэтому мы не можемъ не удивляться, какъ ученый авторъ (С. М. Соловьевъ), столь близко знакомый съ источниками, употребляетъ слово кормиться, кажется, почти въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ употребляется оно людьми, знакомыми съ Русскою исторіей по слухамъ или поверхностно. Авторъ (Соловьевъ) говоритъ о боярахъ: народъ увидѣлъ въ нихъ людей, которые остались совершенно преданы старинѣ и въ томъ отношеніи, что считали прирожденнымъ правомъ своимъ кормиться на счетъ ввѣреннаго имъ народонаселенія, и *кормиться какъ можно сытнѣе*».

Должно быть, усерднѣе Д. Д. Голохвастова изучавшій банальные парадоксы о кормленіи гг. Чичерина и Иловайскаго, столь рекомендуемые г. Иловайскимъ, авторъ (не помню его имени и точнаго заглавія) статьи о старинномъ управленіи въ Россіи, въ одномъ изъ послѣднихъ годовъ журнала «Наблюдатель», обзываетъ бояръ-кормленщиковъ Щедринскимъ прозвищемъ куроцапы, перекрикивая, но въ томъ-же тонѣ: «кормиться какъ можно сытнѣе», фразы старшихъ³⁾.

²⁾ В. Н. Чичеринъ, Областн. учрежденія, М. 1856, стр. 2 и слѣд. Курсивъ и скобки мои. Тутъ (какъ и выше, гдѣ г. Иловайскій выписываетъ собственные изреченія о кормленіи), я замѣнилъ его выписки пропусками его, какъ болѣе къ дѣлу подходящими; ибо онъ, прикидываясь будто видитъ въ Д. Д. Голохвастовѣ человека ничего не читавшаго и едва элементарно что-нибудь знающаго, списываетъ ему (особенно изъ своей книги) самыя школьныя, азбучныя выраженія о кормленіи, и выводитъ изъ нихъ заключенія, напримеръ изъ словъ г. Чичерина: кормленнику давалась ввозная грамота, въ которой такъ же какъ при раздачѣ помѣстій, жителямъ предписывалось *читать его и слушать „оттуда* г. Голохвастовъ увидитъ, что приводимыя имъ грамоты не даютъ никакихъ основаній приравнивать кормленія къ Кормчей книгѣ или Номокапону». Должно быть, Но мокапощъ велитъ не читать никого и не слушать. Quandoque bonus dormitat Homerus, вотъ что отсюда г. Голохвастовъ увидитъ.

³⁾ Сочин. К. С. Аксакова, I, 139. Соловьевъ, Исторія Россіи, VI, 63, изд. 1856. „Наблюдатель“, помнится, въ Іюньской или въ Іюльской кн. 1837, „Ипстатутъ выборныхъ людей въ Московскомъ государствѣ“; статья, если не ошибаюсь, г. Гребенщикова. Сами ль

Но если, какъ утверждаетъ, а затѣмъ и доказываетъ К. С. Аксаковъ, даже С. М. Соловьевъ понималъ кормленіе почти такъ-же какъ люди знакомые съ Русской исторіей по слухамъ: явно стало-быть, что даже по существу вопросъ о кормленіи вовсе не такъ «достаточно выясненъ», какъ полагаетъ г. Иловайскій, увлекаясь, кажется, «особенной ясностью» воззрѣній г. Чичерина. Подавно этимологически, едва-ли «никакія открытія въ родѣ предложенныхъ (Д. Д. Голохвастовымъ) тутъ невозможны», когда съ этой стороны вопросъ никѣмъ досель и затронуть не былъ. Самъ К. С. Аксаковъ употребляетъ глаголь кормиться, не замѣчая, что фразы: «кормиться какъ можно сытнѣе», только цвѣточки; самое-же зерно наивности въ позднѣйшемъ подборѣ къ *кормленью* глагола *кормиться*, и въ пренебреженіи стариннымъ *кормиловатьати*.

Но объ этомъ далѣе. Мы еще не сказали, въ чемъ суть письма г. Ключевскогого.

«Ошибка», говоритъ Д. Д. Голохвастовъ, «всегда и вездѣ возможна, даже для *самыхъ ученыхъ* людей (намекъ очевидно искренній на ученость Иловайскаго), и еслибы невѣрно истолковывалось другое слово (не сказано: *всякое* другое слово), это могло-бы не имѣть значенія; но тутъ искажается весь смыслъ нашей исторіи. Еслибы лучшіе слуги дѣйствительно заботились прежде всего о своихъ личныхъ выгодахъ, а государственныя дѣла откладывали; еслибы наши Московскіе великіе князья и цари, послѣ столькихъ усилій и такихъ жертвъ народной кровью, не умѣли сдѣлать ничего лучшаго изъ вновь завоеваннаго царства, какъ отдать его на растерзаніе этимъ алчнымъ боярамъ, то не доросло-бы Московское княжество до размѣровъ Россіи».

«Г. Иловайскій (трунить г. Ключевскій) получилъ должное возмездіе въ торжественномъ урокъ, заканчивающемъ замѣтку г. Голохвастова: «ошибка всегда и вездѣ возможна, даже для *самыхъ ученыхъ* людей, и еслибы невѣрно истолковывалось *всякое* (курсивъ и прибавка г. Ключевскогого) другое слово, это могло-бы не имѣть значенія, но тутъ искажается весь смыслъ нашей исторіи».

«Какъ!—воскликаетъ г. Ключевскій,—толкованьемъ одного слова можно исказить весь смыслъ нашей исторіи? Замѣчательно лакониченъ смыслъ нашей исторіи: онъ весь въ одномъ словѣ *кормленіе*. Хотя мнѣ все-таки непонятно, чѣмъ слово кормленіе значительнѣе или страшнѣе *всякаго* другаго» (вносные знаки у г. Ключевскогого) слова, и

кормленники тутъ „куроцаны“, или они достойные предки „куроцановъ“ и еще кого-то, Разуваевыхъ, Колупаевыхъ, не помню, и справиться не могу: пишу вдали отъ библіотеки своей, имѣи подъ руками только небольшое *vademesum*.

какъ толкованіе его въ смыслѣ вознагражденія за государственную службу можетъ искажать весь смыслъ нашей исторіи, когда *такое* (?) вознагражденіе допускается (*praesens*) закономъ у насъ и вездѣ (?), гдѣ служатъ государству; но думаю, что слѣдуетъ основательно доказать ошибочность такого толкованія, прежде чѣмъ взваливать на ученаго такое тяжеловѣсное обвиненіе. Не подумайте, что я вызываюсь защищать г. Иловайскаго. Во-первыхъ, онъ не нуждается въ защитѣ; во-вторыхъ, я не имѣю на то надлежащихъ полномочій (?). А настоящее письмо писано съ единственной (??) цѣлью закончить его слѣдующимъ печальнымъ (!) размышленіемъ: жутко (!) работать Русскому ученому, когда всякій почтенный гражданинъ можетъ печатно (!) обвинить его за всякое слово во всемъ (?) что ему вздумается, и только обвинить, а не опровергнуть».

Да чѣмъ-же такъ *распечатались* Д. Д. Голохвастовъ, чѣмъ довелъ до пароксизма *жуткости* Русскаго ученаго? Въ чемъ это *во всемъ*, что вздумается, обвинялъ, и кого? Г. Иловайскаго, надо полагать. Но прочтите, безъ предвзятой мысли, замѣтку Д. Д. Голохвастова. Не только не взваливаетъ онъ *такихъ*, неизвѣстно какихъ, *тяжеловѣсныхъ обвиненій* на кого либо; въ ней нѣтъ ничего, что могло-бы задѣть иныхъ обидчивыхъ; того, что когда-то было такъ свойственно его ораторскому таланту: ни той сангвинической провиіи, ни той благородной рѣзкости, ни того увлекательнаго задора; вообще, ничего обличающаго *ex ungue leonem*, чѣмъ когда-то, въ живые годы реформъ, такъ искренно и смѣло волновалъ и воодушевлялъ *лучшихъ людей* онъ, въ лучшихъ *primus inter pares*; *почтенный гражданинъ*, да, именно! И, наконецъ, какъ достигъ того, чтобы не *всякій* почтенный гражданинъ *могъ печатно* печалить Русскихъ ученыхъ: учредить на сей предметъ выдачу *надлежащихъ полномочій*?

Опровергають Д. Д. Голохвастова гг. Иловайскій и Ключевскій во-первыхъ безсмыслицей, будто-бы истекающей изъ примѣненія его толкованья къ обѣимъ частямъ задачи государевой боярамъ: 1) о Казанскомъ *дѣлѣ* промышляти, 2) да и о кормленіяхъ сидѣти; они же начаша (о второмъ) о кормленіяхъ сидѣти, а (первое) Казанское *строенье* (Казанское *дѣло*) поотложиша.

«Лѣтописецъ, говоритъ г. Иловайскій, тутъ сидѣніе о кормленіяхъ съ ироніей противопоставляетъ заботамъ о Казанскомъ строеніи. Если же принять толкованіе г. Голохвастова и буквально (?) приложить его къ словамъ лѣтописца, то получимъ слѣдующее: болре стали совѣщаться *объ устройствѣ управленія* вновь завоеваннымъ краемъ Казанскимъ, а *устройство* (г. Иловайскій не договариваетъ: какое, стратегическое на-примѣръ?) сего края отложили въ сторону».

«Теперь смотрите, говорить г. Ключевскій, что выходить у автора (Д. Д. Голохвастова): вопреки воля царя (?) бояре стали совѣщаться *объ устройствъ управленія* Казанскимъ царствомъ, а Казанское строеніе, т.-е. дѣло *объ устройствѣ* (стратегическомъ? не договариваетъ и г. Ключевскій) того-же Казанскаго царства отсрочили».

«Получается», торжествуетъ г. Иловайскій, «безсмыслища очевидная».

Только не у Д. Д. Голохвастова.

«Теперь придется доказывать», печалится г. Ключевскій, «что Казанское *строеніе* на старинномъ языкѣ не значило *устройство* Казанскаго царства».

Значило. Но какое устройство? Конечно не устройство управленія должно понимать тутъ подъ Казанскимъ *дѣломъ*, Казанскимъ *строеніемъ*, а устройство фортификаціонное, окупаціонное и вообще стратегическое, какъ самой Казани и ея форпостовъ, Свияжска, Чебоксарь, Лаишева, такъ и всего новозавоеваннаго края. Правда, что этого толкованія нѣтъ у Д. Д. Голохвастова; но вѣдь онъ вопросъ поднялъ не собственно *объ этомъ мѣстѣ* у лѣтописца, или даже у г. Иловайскаго, а только по поводу слова *кормленіе* и толкованія этого слова г. Иловайскимъ, случайно встрѣтившагося тутъ, а не въ другомъ мѣстѣ; и все не заводя вопроса о *строеніи*, кратко и почти бездоказательно отмѣтилъ, къ свѣдѣнію читателямъ (а, пожалуй, и ученымъ), что *кормленіе* значитъ управленіе. Вольно же было г. Иловайскому и Ключевскому оба слова: и *кормленіе*, въ толкованіи Д. Д. Голохвастова, и *строеніе* или *дѣло*, въ собственномъ недотолкованіи, замѣнить оба раза (въ *объ ихъ частяхъ* боярской задачи) словомъ *устройство*, въ первый разъ досказавъ: *устройство управленія*, а во второй не досказавъ: *устройство*, но какое? Будто только одно и бываетъ, административное; или будто все, къ чему съ грѣхомъ пополамъ можно слово устройство приурочить, въ томъ числѣ и *строеніе* или *дѣло* Казанское, непременно уже значить административное устройство. Но вѣдь и *строеніе* и *дѣло* было во время дѣло терминами военнаго искусства и преимущественно фортификаціоннаго: *городовое дѣло* значило построеніе стѣны городской или, что тоже по тогдашнему, *города*. (Я только читателямъ это напоминаю, простымъ смертнымъ, а не Русскимъ ученымъ). Городовое, или опредѣлительно *Казанское дѣло*, строки двѣ-три дальше, повторено у лѣтописца подъ синонимомъ *Казанское строеніе*. Оба термина имѣютъ въ настоящемъ случаѣ значеніе, очевидно, не исключительно-фортификаціонное; не оттого ли и колеблется лѣтописецъ межъ *строеніемъ* и *дѣломъ*, пшца: которымъ изъ двухъ терминовъ мысль его менѣе специализируется? Радѣть о Казанскомъ дѣлѣ приходилось конечно изъ

Москвы, ибо не могло оно совершаться внѣ центральнаго, общегосударственнаго содѣйствія.

Исполать ученымъ, умудрившимся изъ такихъ простыхъ данныхъ и такимъ простымъ способомъ устроить, въ подарокъ Д. Д. Голохвастову, такую, по откровенному признанію г. Иловайскаго, «безсмыслицу»¹⁾!

Второе и, касательно сути вопроса, послѣднее возраженіе г. Иловайскаго Д. Д. Голохвастову, повторенное и г. Ключевскимъ, заключается въ сопоставленіи *кормленія* съ терминомъ *кормъ*, созвучнымъ и будто бы сосмысленнымъ глаголу, будто бы документальному, *кормить*ся. «Служилые люди» говорить г. Ключевскій, «просившіе кормленій, писали въ челобитныхъ»: „*прошу отпустить покориться*“. Слова

¹⁾ Столь согласные на счетъ *строенія*, гг. Иловаискій и Ключевскій на счетъ *сидѣній о кормленьяхъ* не согласны, не только межъ собой, но, кажется, и каждый самъ съ собой. По г. Иловайскому, о кормленьяхъ сидѣти, значить „о раздачѣ кормленій въ награду служилымъ людямъ за покореніе Казани“. Но какихъ кормленій, прежнихъ? Они были, какъ обыкновенно, всѣ или почти всѣ заранѣе позаныты, надо полагать. Новыхъ въ Казанскомъ царствѣ? Но „въ новозавоеванныхъ городахъ“, говорить г. Чичеринъ „всегда назначались воеводы (а не кормленщики); въ Казани, послѣ покоренія, учреждены были воеводы“ (Областн. Учрежд. 52—53). Да и возможно ли, чтобы только что сломленное и только въ самой Казани сломленное царство стало послушно носить кормъ боярамъ: не сытно бы кормились несчастные въ награду за покореніе. Обычное же исполнѣніе нѣкоторыхъ служилыхъ людей по вакантнымъ старомосковскимъ кормленьямъ не было бы чрезвычайной, ни подавно общей наградой за покореніе царства и не требовало бы особыхъ свѣдѣній, памятныхъ лѣтописцу. По г. Ключевскому, „дѣло шло не о раздачѣ кормленій за покореніе Казани, а объ отмиѣнѣ кормленій и замѣнѣ ихъ землями учрежденіями, общій законъ о которыхъ выработанъ былъ нѣсколько позднѣе“. Выраженье *общій законъ* заставляетъ думать, что *общая повсемѣстная замѣна кормленій земскимъ управленіемъ* была, по мнѣнію г. Ключевскаго, предметомъ позднѣйшихъ свѣдѣній, совѣщаній боярскихъ; предметомъ же тогдашнихъ свѣдѣній была замѣна кормленій земскимъ управленіемъ предварительная, экстренная, только во вновь покоренномъ царствѣ. Но было ли тамъ что замѣнять, и было ли чѣмъ: когда же успѣли завестись и кормленья и, замѣнивъ ихъ, готовая земщина въ только что завоеванной Татарствѣ? „Я имѣю“, говорить г. Ключевскій, „нѣсколько маленькихъ соображеній (большой галицизмъ) въ оправданіе этого несогласія (съ г. Иловайскимъ); но для изложенія ихъ потребовалось бы другое письмо, скучнѣе и пространнѣе настоящаго“. Какъ интересъ вопроса о древнеземскихъ учрежденіяхъ, такъ и безспорный талантъ и обширная ученость г. Ключевскаго, достаточныя поруки въ томъ, что и то письмо будетъ нескучно и, слѣдовательно, чѣмъ пространнѣе, тѣмъ лучше. Жаль только, что приходится подождать. Съ такимъ же нетерпѣніемъ будемъ ждать и продолженія фундаментальнаго труда г. Иловайскаго, III тома его „Исторіи Россіи“, интересный образецъ котораго имѣемъ въ первой книжкѣ „Русскаго Архива“ 1889 года.

просителя отмѣчены у г. Ключевского вносными знаками, какъ бы выписанныя изъ подлинной челобитной; въ самомъ же дѣлѣ это просто слова историка Татищева: «губернаторства и воеводства именуеть (составитель втораго Судебника) жалованьемъ и кормленьемъ, ибо тогда оныя жаловались изъ милости, для нажитка, и въ челобитныхъ овоеводствахъ (?) писали: *прошу отпустить покормиться*». Тѣже слова, но съ указаніемъ на источникъ, приводитъ и г. Иловайскій, причемъ, чтобы придать имъ нѣкоторой, хоть косвенной авторитетности, замѣчаетъ, что Татищевъ родился «въ эпоху, когда система кормленій была еще въ ходу». Татищевъ родился въ правленіе царевны Софіи, года за три предъ тѣмъ, что Петръ женился. По г. Чичерину, «въ смутное время, когда войны и мятежи распространились по всей землѣ, и всюду необходимо было присутствіе военной силы, воеводы являются почти во всѣхъ городахъ; со времени Михаила Ѳеодоровича они составляютъ *общее учрежденіе* для всей Россіи. Воевода не собиралъ кормовъ съ подсудныхъ ему жителей, не извлекалъ дохода изъ суда и преступныхъ дѣйствій, не управлялъ посредствомъ своихъ слугъ и холоповъ, подлежалъ отчетности и отвѣтственности. Намѣстникъ былъ *кормленщикъ*, воевода *правитель*. Намѣстники и волостели (кормленщики) со временъ Михаила Ѳеодоровича *болѣе не встрѣчаются*. Намѣстники были однакоже и во времена Романовыхъ, но съ совершенно другимъ значеніемъ: *знатымъ лицамъ* давалось имя намѣстника какого-нибудь города, какъ *почетный титулъ*. Такъ напримѣръ въ 1629 году вельно было Новгородскому воеводѣ князю Пожарскому въ сношеніяхъ съ правителями Шведскихъ городовъ *писаться намѣстникомъ Суздальскимъ*»³⁾.

Странно, во первыхъ, откуда такая высокая слава привидась въ чужихъ краяхъ къ нашему титулу намѣстника, когда у насъ воевода былъ *правитель*, а намѣстникъ (*infamia notatus*) *кормленщикъ*. Вторыхъ, такъ ли особенно ясны, какъ утверждаетъ г. Иловайскій, свѣдѣнія г. Чичерина о кормленіи, или же свѣдѣнія самого г. Иловайскаго, когда эпоха столь яркой реформы (вмѣсто вѣковой кормежки, — устройство впервые правленія) имъ, или кому-то изъ нихъ такъ не ясна: не то Петръ I, не то Михаилъ Ѳеодоровичъ! Третьихъ, наконецъ, если и родился Татищевъ, когда, положимъ, «система кормленій была еще въ ходу», что же изъ этого? А когда выросъ, то даже не зналъ, что знаетъ г. Чичеринъ, родившійся не при Петрѣ: разницу между воеводствами, повсемѣстно введенныхъ, и кормленій, систематически искорененныхъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Карамзину нерѣдко приходилось осуждать ошибки, противорѣчія и вымыслы Татищева выраженіями: баснословить, путаетъ, пишетъ

³⁾ Областв. Учрежд., 53—54, 57. Курсивъ мой.

единственно изъ головы, и т. п. ⁶⁾). Конечно не изъ челобитной подъ глазами, и даже не изъ памяти о ней, а единственно изъ головы напуталь Татищевъ и тутъ про *восводства*, и тутъ же сбаснословилъ глаголь *кормиться*, изъ созвучія возмнивъ о сосмыслин *кормленія* съ *кормежкой*; точно такъ же какъ за нѣсколько страницъ предъ этимъ, въ примѣчаніяхъ къ «Русской Правдѣ», сбаснословилъ онъ, единственно изъ головы, про *огнищанъ*, что это *огневицики*, офицеры пожарной команды. Да и мало ли про что ⁷⁾!

По г. Чпчерину, съ Варяжскихъ пришельцевъ будто бы, и будто бы до Петра, по г. Иловайскому длилась система кормленій; и что же? Положимъ, это только *argumentum a silentio*, но вѣдь уже слишкомъ знаменательное: въ семь - восемь вѣковъ, ни въ какихъ челобитныхъ, ни въ уставныхъ грамотахъ, ни въ судебныхникахъ, ни во всей громадѣ доселѣ извѣстныхъ, историческихъ, юридическихъ и пр. актовъ нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ глагола *кормиться* въ примѣненіи къ кормленію. Есть терминъ *держатъ кормленіе*, который, явно роднитъ съ державствомъ, а не съ кормежкой дѣло кормленщика; и есть глаголь кормильствовати: «тя, корабль Россійскія Церкви правѣ *кормильствовавша*, молимъ, къ покаянія тишинѣ *кормильствуи* души наша». Правда, глаголь этотъ встрѣчается обыкновенно про кормильство кораблемъ или церковью подобно кораблю, но очень просто почему: кормильство областью имѣетъ свой, *державный* терминъ. Въ капитальномъ словарѣ Миклошича тотъ же глаголь въ первоначальной, краткой формѣ *кѣрмити*, съ переводомъ *gubernare*, и съ производными: 1) кѣрмыникъ, кѣрмычникъ, кѣрмчій, кѣрмчія, кѣрмитель *gubernator*, 2) кѣрмованіе, кѣрмычествованіе, кѣрмычествіе, кѣрмыльство, кѣрмытельство, кѣрмыля црковная, КѢРМЛЕНИЕ—*gubernatio* ⁸⁾).

Итакъ, столь аппетитный нашимъ историкамъ глаголь *кормиться* приуроченъ къ системѣ стариннаго управленія единственно изъ головы. Просто, въ числѣ обычныхъ филологическихъ наивностей Татищева,

⁶⁾ У Строева въ Ключѣ къ Исторіи Государства Россійскаго, М. 1836, при имени *Татищевъ* рубрика первая: *его ошибки, противорѣчія, вымыслы*, занимаетъ 55 столбцовыхъ строкъ сплошнаго перечня страницъ и примѣчаній, въ которыхъ Карамзинъ обличаетъ эти погрѣшности, особливо же вымыслы Татищева.

⁷⁾ Продолженіе Древней Россійской Вивлюенки, Сиб. 1786, ч. I, Законы древніе Россійскіе, для пользы вѣхъ любомудрыхъ собраныя и нѣколко истолкованныя тайнымъ совѣтникомъ Васильемъ Татищевымъ, 1738 года; примѣч. къ ст. 18 Русск. Правды (объ огнищанахъ), къ ст. 24 Судебника (о кормленіи).

⁸⁾ Мишея Мѣсячная, Февр. 12, служба Св. Алексѣи митроц., пѣснь 3. Miklosich, *Lexicon palacoslovenico-graeco-latinum*, Vindobonae, 1862.

слетѣлъ онъ у него съ размашистаго пера кляксомъ на вашу исторію. Карамзинъ, знатокъ въ языкѣ церковной и гражданской письменности древней Россіи и самъ художникъ языка, не могъ обмануться наружнымъ сходствомъ глагола *кормиться* съ терминомъ *кормленіе* (крьмленіе-gubernatio). Историкъ не по названію ремесла или по заглавію труда, историкъ по призванію, знанію и пониманію, не могъ онъ провозгласить доходъ единственной цѣлью суда и управленія князей и царей нашихъ; не могъ увлечься пластической внушительностью глагола *кормиться* и фантазировать себѣ изъ него вѣковую систему питанія бояръ преступленіями народонаселенія, составлявшими (съ душегубствомъ въ томъ числѣ) собственность, жалованную въ поочередное пользованіе каждому на небольшое «количество времени», этимъ паразитамъ уголовщины. У Карамзина даже термины *кормленщикъ*, *кормленье* встрѣчаются, кажется, только въ примѣчаніяхъ, въ документальныхъ сноскахъ, въ его же изложеніи постоянно замѣняются общепонятными синонимами своими: правитель, правленіе.

А стоило бы дознаться: кто филологъ, кто историкъ, кто Русскій человѣкъ, или же досужій Русскій Нѣмецъ, кто Колумбъ поставившій биткомъ Татищевское яичко и высидѣвшій изъ него *систему кормленія*?

Положимъ, можно не домыслиться, что источникъ всей этой системы ребяческой кляксы; но какъ же не видать, какую лужу развели изъ клякса взрослые шалуны, вѣдь уже на нашихъ глазахъ? Понятно, что писакки «Наблюдателя» продолжаютъ разработывать пресловутую систему, уснащая ее гаерскими колѣнцами автора «Исторіи одного города» (пошлой пародіи Щедрина на Русскую исторію); но какъ же историки-то, Пловайскіе, Ключевскіе, могутъ засчитывать въ капиталъ науки результаты этого дряннаго школьничества; какъ же могутъ они, изучившіе книгу бытія Руси изначала даже и дондесъ, не спохватиться, въ чемъ вся *raison d'être*, вся причинная суть этой, будто бы «достаточно выясненной», такъ называемой системы кормленія? Вѣдь очевидно же вся она единственно въ модности, еще Пушкину столь претившей, но тогда еще только буржуазной, теперь уже уличной, безстыже-оголтѣдой модности ляганья

.. Геральдическаго льва
Демократическимъ копытомъ.

И вотъ по какимъ пріемамъ и физическимъ признакамъ, и вотъ въ какихъ годахъ журнала политическихъ модъ надо искать нашихъ Колумбовъ!

По справедливому замѣчанію г. Ключевского, «какъ ни остроумны и ви вѣроятны соображенія (Д. Д. Голохвастова), они не даютъ того, что нужно; а нужны *древніе документальные* тексты, которые достаточно явственно вскрыли бы *древній* смыслъ слова кормленіе .

Мы видѣли, что для глагола *кормиться* подыскалъ г. Ключевскій не тексты, а всего одинъ текстъ, вовсе не древній, весьма не документальный. Тотъ же *текстъ* подыскалъ, разумѣется, и г. Иловайскій. Какъ быть, въ полѣ и жукъ мясо. Совсѣмъ иное дѣло терминъ *кормъ*: о немъ текстовъ въ волю, такихъ, что во вносныхъ знакахъ не нуждаются. Вопросъ только, что значить *кормъ*, какъ сосмысливается *кормъ* глаголу *кормить*: въ значеніи ли, нынѣ единственномъ *nutrire*, или же, изъ древнихъ двухъ его значеній, въ нынѣ забытомъ *gubernare*?

Въ 1875—1876 г. въ Казани изданъ г. Загоскинымъ параллельный сводъ пятнадцати уставныхъ грамотъ намѣстничьяго управленія, сохранившихся вѣка за два, съ великаго князя Василья Дмитриевича (Двинская грамота 1398 г.) до царя Михаила Феодоровича (грамота Устюжны-Желѣзнопольской 1614 г.). Параллель раздѣлена на 10 рубрикъ и 97 параграфовъ. О кормахъ и поборахъ говорится между прочимъ въ параграфахъ 4, 8 и 10, и спеціально въ рубрикѣ Д, парагр. 15—26. Прочитавъ эти 15 грамотъ и, съ особымъ вниманіемъ, эти 15 параграфовъ, мы увидимъ, что областью управлялъ, по назначенію (жалованію) государеву, *намѣстникъ* или *волостель*. Намѣстникъ, всегда лично знатнѣйшій волостеля саномъ и заслугами, назначался и въ знатнѣйшую область; но правительныя права обоихъ бывали, кажется, одинаковы; такъ что о волостелѣ, и подавно о *посельскомъ* (еще незначительнѣйшей степени кормленщика) можемъ и не упоминать болѣе. Правленіе заключалось существенно, иногда единственно, въ правѣ суда. Намѣстникъ имѣлъ при себѣ, впервыхъ, *тіуна*, который замѣщаль его въ управленіи и въ судѣ, но не съ тѣми же правами и не съ тою же подсудностью; воторыхъ, *праветчиковъ* и *доводчиковъ*, которые, ни тѣ ни другіе, не имѣли правъ правительныхъ ни судебныхъ, а были чины исполнительные, *праветчики* въ родѣ нынѣшнихъ среднихъ чиновъ уѣздой и городской полиціи, *доводчики* въ родѣ судебныхъ приставовъ мирового и окружнаго суда; гдѣ *праветчиковъ* не было, должность ихъ исполняли *доводчики*. Какъ *праветчиковъ* и *доводчиковъ*, такъ и *тіуна* назначалъ и смѣнялъ *намѣстникъ*. Служебный гонораръ, какъ самого *намѣстника*, такъ и *его людей* (*тіуна*, *праветчиковъ* и *доводчиковъ*, получался ими не отъ казны, а прямо отъ земщины, въ видѣ установленной подати, натурой или, по установленной же таксѣ, деньгами), обык-

новенно въ три срока, по календарю доннынъ самому народному, праздничному: на Рождество Христово, на Пасху и на Петровъ день. Натурой ли получать, или же деньгами, могъ каждый какъ пожелаетъ. Что такимъ образомъ получали, хотя бы исключительно деньгами, намястникъ и тиунъ, то называлось *кормомъ*; а что точно такимъ же образомъ, и хотя бы натурой, продовольственными и даже именно събъстными припасами, получали праветчики и доводчики, то никогда не называлось кормомъ, всегда *поборомъ*. Въ вышеуказанныхъ 15 параграфахъ термины «намястничъ и тиунъ *кормъ* и праветчиковъ и доводчиковъ *поборъ*» встрѣчаются до ста разъ, и только раза два-три не въ совершенно ясномъ различіи въ Пермской грамотѣ, да и то по очевидной недопискѣ⁹⁾.

⁹⁾ Кормъ 54, поборъ 47 разъ, итого 101. Если обшчитываюсь, то, вѣроятно, въ ущербъ, а не въ прибыль аргументу множественности.

Дабы видѣли читатели, какъ явственно различались кормъ съ поборомъ, выпишу нѣсколько примѣровъ изъ разныхъ параграфовъ и грамотъ, означая грамоты Арабскими цифрами номеровъ г. Загоскина, а параграфы (какъ и у него) Латинскими; и затѣмъ, дабы могли они сами судить, важны ли неясности, выпишу ихъ все, или точнѣе объ, какія есть.

Въ грамотѣ 1506 г. Переяславскаго уѣзда, Артемоповскаго стана крестьянамъ: А съ починковъ письменныхъ съ пашенныхъ и съ новыхъ починковъ, которые съли послѣ письма, *волостелю и его тиуну кормовъ, и праветчику и доводчику поборова* не имати до урочныхъ лѣтъ; а отседять свои урочныя дѣта, и они *волостелю и его тиуну кормовъ, и праветчику и доводчику поборова* платять по тому же, какъ и съ старыхъ деревень съ черныхъ (XXVI, 4).

Въ Бѣлозерской 1488: А *корми намястничьи и тиуновы и доводчиковы поборы* берутъ въ станѣхъ сотекіе да платять намястникамъ и тиунамъ и доводчикамъ въ городѣ: о Рождествѣ Христовѣ рождественскій *кормъ* платять *намястникамъ и тиунамъ, и доводчиковы поборы*; а о Петровѣ днѣ петровскій *кормъ* платять въ городѣ и *намястникамъ и тиунамъ, и доводчиковы поборы* (XXV, 2).

Въ грамотѣ 1544 г. Звенигородскаго уѣзда, ссѣа Андреевскаго крестьянамъ: *намястники* наши Звенигородскіе и *волостели и ихъ тиуны* тѣхъ моихъ крестьянъ села Андреевскаго, сельчанъ и деревенщиковъ пашенныхъ и оброчныхъ, не судить ни въ чемъ опрѣчь душегубства и разбоя и татбы съ поличнымъ, и *кормовъ* своихъ у нихъ не смлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни по что; а *праветчики и доводчики* на поруки ихъ не даютъ, и *поборовъ* своихъ не берутъ, и не вѣзжаютъ къ нимъ ни по что (IV, 10).

Въ слѣдующихъ выпискахъ подчеркиваю и дополню въ скобкахъ все целности, о кормахъ и поборахъ, Пермской грамоты 1553:

А берутъ *кормъ* (sic) намястничъ и тиуновъ, и доводчиковъ *поборъ* (sic) старосты и люди добрые Пермьки сами, да отдають *кормъ* (и поборъ?) *намястнику и съ тиуны и съ доводчики* въ городѣ; а сами *намястники и тиуны и доводчики* по погостамъ луковъ писати и *кормъ* (и поборъ?) брати не ѣздить XXV, 11.

А на Петровъ день *намястнику корму и его тиуну и (поборъ?) доводчикамъ* за 700 бѣлокъ семь рублевъ, по двѣ же деньги за бѣлку (XVII и слово въ слово тоже XVIII: а на Великъ день...).

Итакъ, тіунъ, по способу назначенія и смѣны, приравнивается къ праветчику и доводчику, почему и пишется въ числѣ людей намѣстничихъ; но гонораръ тіуна называется не какъ людской, а какъ намѣстничій, не поборомъ, а кормомъ. Способъ полученія гонорара,—прямо съ земщины, натурой или, по желанью, деньгами,—одинъ про всѣхъ, про самого намѣстника, какъ и про людей его (тіуна, праветчиковъ и доводчиковъ); разница только въ количествѣ. Кормятся гонораромъ всѣ они, какъ и всѣ на свѣтѣ служащіе. Почему же не всѣхъ на свѣтѣ гонораръ называется кормомъ, и даже не всѣхъ служащихъ при областномъ кормленіи; почему только намѣстничій да изъ людей его только тіуній? Единовозможный отвѣтъ: потому, что терминъ *кормъ* вовсе не имѣлъ значенія нынѣшняго да и тогдашняго обиходнаго слова *кормъ* (*nutrimentum*), и происходилъ не отъ *кормиться* или *кргмитъ*—*nutrige*, а отъ *кормильствовати*, *кргмитъ*—*gubernare*, и означалъ подать за кормильство, самому государеву намѣстнику въ кормленіи и его, кормленщика, замѣстителю въ нѣкоторыхъ дѣлахъ правленія и суда, слѣдовательно тоже (хотя бы и не по имени) кормленщику, тіуну его ¹⁰).

У народа есть слово *корѣмъ*. На вопросъ: зачѣмъ у барки два *правила* (кормила), кормовѣе и носовое?—Двумя *корѣмъ* легче (т. е. управленіе судномъ): отвѣтъ барочника, записанный въ Ардатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Дѣло кормленщика было именно управленіе—корѣмъ. На древней Руси пошлыны и подати сплошь да рядомъ, за чтó платились, того названіемъ прямо, а не производно, и назывались. За управленіе, за корѣмъ и пошлина *корѣмъ*, *корѣмъ*. Обѣздный судъ владыки Новгородскаго и посыльныхъ его назывался не по самой цѣли, а по труду исполненія—*подѣздъ*; такъ же называлась и судная пошлина: иде владыка Василій въ Псковъ на *подѣздъ* (судъ), и Псковичи суда не даша (не дали ему судить). Архіепископа Новгородскаго подѣвзщики въ монастырь (Корѣльскій Николаевскій) не въѣзжаютъ, и *подѣзда* (судной пошлины) у нихъ не емлютъ, и не судятъ ихъ ни въ чемъ, опричь духовнаго дѣла. — Но гдѣ рѣчь о томъ же

¹⁰) Разуиѣтся, терминъ *кормъ* не отпымаль у языка возможность употреблать и *обиходное слово кормъ*. Въ тѣхъ же грамот. (пар. 11, LII) предписывается государемъ, чтобы, когда князи его и бояре и дѣти боярскіи и восводы ратные и гонцы его государевы и посланники всякіе и той области намѣстникъ или пше намѣстники и волостели и ихъ люди чрезъ ту область поѣдутъ, и они, всякіе сильные ѣздоки, у нихъ у горожанъ и у ставовыхъ людей и у волостныхъ по подворьямъ сильно (т. е. насильно) не ставятся, опричь ратныхъ вѣстей; ни подводъ, ни проводниковъ, ни сторожовъ, ни *кормовъ себя и конямъ* даромъ не емлютъ; а кому у христіанъ прилучится стати, и ояъ себя у нихъ *кормъ свой и конскій* купать по цѣви, какъ ему продадутъ.

судѣ не единственно объѣздномъ, тамъ какъ судъ, такъ и пошлина, уже не *подъездъ*, а *судъ*: пріѣха въ Псковъ митрополитъ Исидоръ Кіевскій и всея Руссіи, и отнять *судъ* и вся пошлины владычня (владыки Новгородскаго), и дать ту владычню пошлину своему намѣстнику ¹¹⁾. Еслибы не условно по ѣздѣ и не спеціально по суду, а обще по кормильству, по корѣму епархіей, то и владычня пошлина называлась бы не *подъездъ*, не *судъ*, а *корѣмъ*. Въ приведенной Д. Д. Голохвастовымъ грамотѣ Игнатій Борисовичъ Голохвастовъ пожалованъ кормленіемъ съ *правдою*, т. е. съ правомъ на судъ и на пошлину, называвшуюся названіемъ самаго дѣла, *правды*, суда. Исключительно ли уголовного, именно ли *боярскаго суда*, дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что Игнатій Борисовичъ получалъ *правду* (пошлину) за *правду* (судъ) и *корѣмъ* (пѣдать) за *корѣмъ* (управленіе).

«Если бы, говоритъ г. Иловайскій, возражатель (Д. Д. Голохвастовъ) поближе ознакомился съ древне-русскими уставными грамотами, то онъ тамъ нашелъ бы частое упоминаніе о *кормахъ*, то-есть *поборахъ* съ жителей въ пользу намѣстниковъ, тіуновъ и доводчиковъ».

То-то что не *то-есть* поборахъ, если поближе ознакомиться, слѣдуя совѣту, но не примѣру г. Иловайскаго.

«По уставнымъ грамотамъ XV и XVI вѣковъ», говоритъ г. Ключевскій, намѣстники и ихъ тіуны, прикащики получали *кормы*, *известные поборы* съ управляемыхъ округовъ. Доходъ носилъ общее названіе *корма*, соответствующее нынѣшнему канцелярскому *содержанію* (вотъ уже до чего общее); отсюда и доходная должность (всякая, стало быть) получила названіе *кормленія*».

Съ какою рѣшительностью все это говорится и съ какимъ пренебреженіемъ къ документальной дѣйствительности сочиняется!

«Ясно, заключаетъ г. Иловайскій, что слово кормленіе находилось въ связи съ этими кормами, а *никакъ* не съ кормиломъ и кормчимъ».

Анъ вотъ же именно съ кормиломъ и кормчимъ! Въ томъ же смыслѣ, что голова мочало, гдѣ хвостъ начало, говорится: оттого у рыбы башка, что ей хвостъ *корѣмъ*. Технически у рыбы не голова, а *башка*. Дѣйствительно, какъ ладья рулемъ, такъ рыба хвостомъ. вильнувъ имъ въ противоположную сторону, направляетъ бѣгъ свой: ей—буквально правіло, а иносказательно—правитель, глупой башкѣ, хвостъ, по-рыбачки *плѣвикъ*. Итакъ, въ этомъ примѣрѣ, *корѣмъ*—вмѣстѣ и то посредствомъ чего кормильствуютъ, кормило, и тотъ кто кормильствуетъ,

¹¹⁾ Новогор. л. перв. и четв. 1337.—Акты Ист. I, 141. Псков. л. перв. и втор. 1438.

кормчій; въ первомъ же примѣрѣ («кормъ легче») кормъ—само кормильство. А что баркой *кормъ*, что намѣстничествомъ, что лошадей *правитъ*, что государствомъ, суть не въ этомъ, связь ясна; и ясно, почему сто разъ сряду, систематически, во всѣхъ грамотахъ параллельно - сведеннаго, превосходнаго сборника г. Загоскина, гонораръ державца кормленія, и только его да его замѣстителя, гонораръ кормъ, кормъ, а прочихъ не кормъ.

Г. Ключевскій весьма резонно замѣчаетъ, что тавтофонія словъ «вовсе не рѣдкость въ любомъ языкѣ: крѣма—пища и крѣма—корма; а по латынѣ *fides* — струна и *fides* — вѣра. Поэтому *fides carbonaria* въ цеховой догматъ непогрѣшимости Русскихъ ученыхъ нельзя переводить: струна угольщика въ цеховой догматъ, и т. д.: выйдетъ чепуха. Но Русскому ученому можно, въ силу того догмата, статью 66 Судебника: «а намѣстникамъ и волостелямъ, которые держатъ *кормленіе* безъ боярскаго суда» переводить: которые держатъ *питаніе* безъ боярскаго суда.

«Надобно», говоритъ г. Ключевскій, «присмотрѣться по стариннымъ актамъ, въ какихъ сочетаніяхъ понятій является тамъ это слово (кормленіе), и отыскать мѣста, контекстъ которыхъ *явственно* указалъ бы, что оно значило на старинномъ языкѣ именно *правленіе*, а не *питаніе*, *содержаніе*, *жалованіе* за службу, или что-нибудь подобное». Чтобы окончательно присмотрѣться, переведите 66 ст. Судебника такъ: «а намѣстникамъ и волостелямъ, которые держатъ *правленіе* безъ боярскаго суда»; и сравните это съ переводами: держатъ *питаніе*, держатъ *содержаніе* безъ боярскаго суда. — Явственно? Но разумѣется, почтенные граждане (*profanum vulgus*) да безмолвствуютъ, по крайней мѣрѣ печатно да не разсуждаютъ о явственномъ, но реченномъ *ex cathedra!*

По Татищеву, «кормленіе тройкое есть: 1) помѣстья и вотчины, 2) жалованье, какое давано было безпомѣстнымъ и болѣе иноземцамъ, 3) воеводства и всякія приказныя или гражданскія правленія и дьяковъ, яко и судей, повытѣя». Все это навизано единственно изъ головы, кромѣ дьячья повытѣя; оно взято изъ плохо-понятыхъ словъ 47 статьи Судебника: «недѣльщику своихъ ѣздоковъ приводити къ дьякамъ, которые *дьяки у кормленія* будутъ, и ѣздоковъ недѣльщикамъ у дьяковъ записывати въ книги. А котораго ѣздока изънимають, а тотъ ѣздокъ въ книгахъ у *кормленыхъ дьяковъ* (вариантъ: *у кормленія*, другой вариантъ: *въ книгахъ кормленыхъ у дьяковъ*) ни у котораго недѣльщика будетъ не написанъ, и того ѣздока казнити торговою казнію» ¹²⁾.

¹²⁾ Продолж. Древ. Рос. Вивліюв. I, 67, 95—97. Ак. Ист. I, 153.

Если кормленіе—правленіе, тогда все ясно. Отъ слова *правленіе* говорится *правленскій*; отъ слова *кормленіе* было бы кормленскій, по старинному твердо и сокращенно—кормлен(ск)ый, *кормленый дьякъ* или *дьякъ у кормленія*: служащій при областномъ правленіи. Книги, которыя онъ ведетъ — правленскія, кормлен(ск)ыя, *кормленныя книги* или *книги у кормленія*. Но если кормленіе—питаніе, тогда чтó такое *кормленая книга*? О томъ какъ въ столъ ѣствы подавать? *Кормленный дьякъ*: какой ему возможенъ эпитетъ отъ питанія? Или, зачѣмъ эпитетъ: просто *кормленщикъ*, въ ученоемъ смыслѣ слова?

Татищевъ по крайней мѣрѣ послѣдовательноѣ нынѣшнихъ Русскихъ ученыхъ; онъ отправляется отъ глагола *кормиться*, поэтому у него *кормленье* все, у чего живучи, можно *хлѣбъ ѣсть*: и помѣстье, и вотчина, и царская милостыня иноземцамъ, и воеводская должность, и дьячья. Правда, почему жъ бы и не должность городского палача или помѣщичьяго шута; и у этихъ дѣлъ можно *сыту быть*. У нынѣшнихъ, по выводамъ изъ того же глагола, бояринъ *кормится* на счетъ народонаселенія такъ сытно, что должность его, какъ бы вся въ томъ и заключаясь, прозывается кормленіемъ—питаніемъ, гонораръ—кормомъ, пищею, самъ онъ кормленщикомъ въ противоположность правителю, «воевода былъ *правитель*, а намѣстникъ *кормленщикъ*». Кормленщики ли, на томъ же основаніи, и другіе вмѣстѣ съ бояриномъ кормившіеся, тиунъ, праветчики, доводчики? Почему рѣшительно не кормленщикъ воевода? Вѣдь и ему «не *есть* быть нельзя», какъ написалъ гдѣ-то Петръ Великій? Почему, въ самомъ дѣлѣ, не кормленіе вотчина, помѣстье и все, у чего можно *сыту быть*; гдѣ же наконецъ *definitio genetica* того, чтó есть и чтó не есть *кормленіе*? За неимѣніемъ таковой, вотъ по крайней мѣрѣ *definitiva sententia* г. Ключевского: «кормленьями назывались должности, соединенныя съ доходомъ въ пользу должностныхъ лицъ, который получался ими прямо съ управляемыхъ, подобно тому, какъ теперь профессора въ университетахъ получаютъ гонораръ со студентовъ, а не изъ государственнаго казначейства». Существенный признакъ кормленія и кормленщика вотъ, слѣдовательно, гдѣ воскресъ: профессуръ теперь кормленіе, а Ихъ Непогрѣшимость гг. Русскіе ученые—кормленщики. Яснѣе этого во всей литературѣ предмета ничего нѣтъ; да и быть не можетъ, при объясненіи отъ питанія.

Это *питаніе*, какъ ни кинь, все клинъ. Кинуть бы его лучше совсѣмъ, и посмотрѣть нѣтъ-ли древнѣйшихъ формъ *кормленщика-правителя*; нѣтъ-ли того же корня и женской формы; а можетъ быть, и общей.

«Неужели», говоритъ г. Ключевскій, «наши древніе акты такъ безмолвны насчетъ значенія, какое они придавали этому слову? Нѣтъ, они кое-что говорятъ объ этомъ, да г. Голохвастовъ почему-то не желаетъ ихъ слушать. Этотъ административный терминъ встрѣчается въ актахъ довольно рано; г. Голохвастовъ не знаетъ его раньше XVI вѣка, а онъ является уже въ памятникахъ XIV вѣка».

Г. Ключевскій не знаетъ его раньше XIV вѣка. Неужели наши еще древнѣйшіе акты такъ безмолвны? Нѣтъ, они кое-что говорятъ, да г. Ключевскій почему-то не желаетъ ихъ слушать.

Въ «Русской Правдѣ», въ статьяхъ о вирѣ за убійство, положено: «за смердїй холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ, а за *искормилыча* (варианты: за *кормилца*, аще *кормилыцицѣ*) 12 гривенъ, тако же и за *кормилыцю* (вариантъ: за *кормилцу*), хотя си будетъ роба или холопъ».

Погодинъ переводить это: «за дядьку и кормилыцу, хотя бы они были и рабскаго состоянія, 12 гривенъ». По *дядькѣ* такъ и видно, что историку вообразилась тутъ кормилыца въ кокошникѣ, наемная или взятая во дворъ грудь, во время Святой Ингигерды Олафовны, многочадной матери Ярославичей. Но кто и за чтѣ убиваль этихъ дядекъ и кормилыцъ столь не рѣдко, что понадобился особый законъ о нихъ? И какъ же, при такой сверхчаянной предусмотрительности законодателя, не предусмотрѣнь у него случай, въ самомъ дѣлѣ (особенно во времена рабства) не рѣдкій—убійства всякихъ начальственныхъ лицъ вотчиннаго и домашняго управленія? Погодинъ, и не онъ одинъ, понимаетъ *кормилыцесг* отъ *кормить*—питать и воспитать; такъ-ли, или же отъ *кормить*—управлять, понималъ ихъ законодатель? Очевидно, вотъ тутъ въ чемъ вопросъ.

«Русскяя Правда», въ этой, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ, называетъ смердами мірскихъ людей всякаго чина, противопологая ихъ *княжымъ людемъ*, т.-е. принадлежавшимъ къ дружинѣ князей, а не къ какому-либо городскому или сельскому міру. Такъ напримѣръ, коней на Руси, по «Рус. Правдѣ», два разряда: князьи да смердїи; за кражу коня княжаго тавра вира три гривны, а за *смердѣя* (вариантъ: за *имыхъ*, въ смыслѣ всѣхъ иныхъ, не княжьихъ) двѣ гривны. Такъ же и борти (первобытные пчельники), чтѣ не князьи, то смердїи. Такъ же и о наслѣдствѣ—княжьихъ мужей да смердовъ, больше ни о чемъ. Статѣ о смердїи холопѣ непосредственно предшествуетъ статья о княжьѣ отроцѣ. Какъ тамъ за смердѣя холопа, такъ тутъ за княжья отрока, если онъ рядовичъ (рядовой, простой?) 5 гривенъ; «такъ же и за боярескѣ», т.-е. за отрока дружины княжаго боярина, дружины не

непосредственно, но тоже княжьей; если же конюхъ или поварь—40 гривенъ. Какъ тамъ за *кормильцевъ*, такъ и тутъ за тиуновъ или старость княжьихъ: за сельскаго (*село*, отъ глагола *сѣсть*, чтѣ нынѣ, отъ того же глагола, *усадебъ*, итакъ за усадебнаго) *тиуна* (вариантъ *старосту*) и за ратайнаго (надъ полевымъ хозяйствомъ) 12 гривенъ; а за конюшаго тиуна (вариантъ: конюхъ *старый* у стада, т.-е. старшій, тотъ же *староста* надъ конюшной и табунами) и за огнищнаго (надъ огнищемъ, очагомъ, дворцомъ княжьимъ) 80 гривенъ. Между статей о княжьихъ отрокахъ и о смердъихъ холопахъ, въ Троицкомъ списокѣ подъ одной рубрикой со смердъими: за ремесленника и за ремесленницу 12 гривенъ. Въ древнѣйшей редакціи нѣтъ о ремесленникахъ, ни объ этихъ смердъихъ, ни о княжьихъ поварѣ и конюхѣ.

При Погодинскихъ *дядькѣ* и *кормильцѣ* (*nutrix*) параллель статей о княжьихъ и смердъихъ людяхъ нарушается двояко: законодатель вспомнилъ о смердъихъ дѣто-кормильцахъ и забылъ о княжьихъ, вспомнилъ о княжьихъ домоправителяхъ и забылъ о смердъихъ. Если же, отъ глагола *кормить*—управлять, *кормилецъ* и *кормилица* могутъ быть объединены въ одно слово *кормичя* (по Э. И. Буслаеву—домоправитель, но конечно—и домоправительница, ибо слово общаго рода), тогда параллель выдержана вполне: 1) во всѣхъ редакціяхъ князьи отроки-рядовичи и смердъи холопы, 2) въ позднѣйшихъ редакціяхъ князьи поварь да конюхъ и смердъи ремесленники, 3) во всѣхъ редакціяхъ князьи тиуны и смердъи *кромчи* или *кормильцы* ¹⁾). Явно, по моему, что законода-

¹⁾ Калачевъ, Текстъ Русской Правды, М. 1846, четыре списка, I Академическій XV вѣка, древнѣйшая редакція Русск. Правды; II Троицкій XIV вѣка; III Карамзинскій XV вѣка; IV кн. Оболенскаго XVII вѣка, изъ Кормчей. Въ Софійской лѣтописи (Собр. лѣтоп. т. VI) текстъ Рус. Правды и варианты шести списковъ XV—XVI вѣка. Синодальный, древнѣйшій, не какъ редакція, но какъ списокъ, XIII вѣка, изъ Кормчей; перепечатанъ съ переводомъ, у Погодина, Русск. Исторія до Монг. ига, М. 1872. *О тиунахъ и кормильцахъ*, Калач. I, 21—24, II и III 9—14; Соф. стр. 58; Погод. стр. 726. *О коняхъ*, Кал. I, 25, II 40, III, 41; Соф. 60; Пог. 734. *О пчельникахъ*, Кал. I 30, съ дополненіемъ изъ Ростовск. списка. *О наслѣдствѣ*, Кал. II 85, 86, III 103, 104, IV 36; Соф. 66; Пог. 740. Сельскій тиунъ вездѣ съ нарочитой прибавкой: сельскій *княжьій*, т.-е. вѣроятно, вѣдавшій собственно княжью усадьбу, а не боярскія княжю дружины. Огнищный въ древнѣйшей редакціи, Кал. I 21, просто *княжь* тиунъ, вѣроятно, какъ изъ всѣхъ четверыхъ ближайшій къ князю, домашній, дворцовый, дворецкій. *Конюхъ*, въ которомъ виру 40 гривенъ, явно не простой: это искусникъ наѣздничества, вѣроятно, стреманной княжьей (не овъ ли въ походахъ вѣдалъ княжью конюшню; *старый* же, т.-е. старшій конюхъ, тиунъ, конюшій оставался при домашнихъ конюшняхъ и табунахъ). Стоя во главѣ части столь же собенной князю-вятизю, какъ и хоромина его княжьей, конюшій тиунъ стоить въ одной вирѣ

тель понималъ тутъ *кормильцевъ* такъ же, въ сущности, какъ и понынь понимаетъ ихъ народъ, когда говорить господствующимъ, правящимъ: вы наши *кормильцы*; а не такъ, какъ понялъ *кормильцевъ* историкъ, забывая, что глаголь *кормитъ* имѣеть два значенія: 1) *nutrire*, откуда

съ огнищнымъ, 80 гривенъ: вира двойная, полная 40, ибо *полувиры* 20 гривенъ. Сельскій же и ратайный тѣуны равняются по вирѣ (12 грив.) смердымъ кромчіймъ, про коихъ сказано: хотя си будетъ холопъ; не даромъ же и пишутся эти два тѣуна въ одномъ отдѣлѣ съ княжьимъ отрокомъ-рядовичемъ, Кал. I 22, II и III 11; они явно *отроки*, только не рядовые, не простые. Тѣунъ же огнищный и конюшій-*мужи* княжьи или, что тоже, *боларе* княжьи. Отроки значило слуга, въ томъ числѣ и рабы. Рубрика о княжь отроцѣ (Кал. III 9, Соф. Пог.) имѣеть вариантъ, Кал. II, 9 „о княжь мужъ“; но и такъ, и иначе, не полна; полная должна быть объ отроцѣ и мужѣ. Впрочемъ дѣленіе на рубрики не законодательское; по крайней мѣрѣ въ древнѣйшей редакціи нѣтъ его. О поварѣ вспомнимъ изъ Германской эпопеи *Der Nibelunge nôt*: старый (какъ въ Рус. Правдѣ *старый конюхъ*), т. е. старшій; но тутъ поварь, вѣрный слуга Румольдъ: то на королевской кухнѣ распоряжается своими подданными (*sic*), горшками да котелками, кострюльками да сковородами; то сидитъ въ королевскомъ совѣтѣ; король, уѣзжая со всею дружиной, ему поручаетъ сына и землю (строфы 720, 1405—1409, 1457—1459 Лѣхманова текста). При важномъ значеніи пира въ жизни князя-визязя, понятно значеніе повара, какъ и конюха; въ дворовыхъ искусникахъ того быта имѣ ровни не было. Можетъ быть и въ смердыхъ ремесленникѣ и ремесленницѣ не понимаются ли только они же: конюхъ да *сокочій* (древнее слово общаго рода, поварь и повариха). Напомню впрочемъ, что статья о ремесленникахъ, всегда безъ опредѣленія чьихъ и какихъ именно, находится только въ позднѣйшихъ редакціяхъ и пишется промежду статей о княжьихъ отрокахъ и смердыхъ холопахъ, и изо всѣхъ вышеозначенныхъ десяти списковъ позднѣйшихъ редакцій въ одномъ Троицкомъ подведена подъ рубрику о смердыхъ холопахъ. Не потому ли и пишется она промежду, что понимаетъ и смердыхъ и княжьихъ всякаго ремесла искусниковъ, кромѣ двоихъ княжьихъ полновирыхъ, повара и конюха? *Кормчій* (Ф. И. Буслаевъ Историч. грамматика, М. 1868, пар. гр. 59) съ восполненіемъ первой полугласной и съ опускомъ второй: кромчій. Мѣсто ударенія чувствуется на послѣднемъ слогѣ, подобно всѣмъ словамъ этой, чуть ли не древнѣйшей, въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ почти пропавшей формы словъ общаго рода, какъ напримѣръ: *сокочій* (поварь и повариха), *самчій* (домохозяинъ и домохозяйка), *ищей* (истецъ и истица), *печей* (пѣкаръ и пекарна хлѣба или просвирь), *плачей* (профессионально женщина, но въ моей записной книжкѣ нахожу, со словъ крестьянки: по мнѣ одивъ плачей—сынокъ), *судій* (чьимъ же не судья Любуша напримѣръ, да и всякая го-суд-арыня, безъ префикса *суд-арыня*, такъ какъ *суд-арь* тематически тотъ же *суд-ія*). Я возражаю именно Погодину потому, что онъ не только призналъ кормильцевъ Рус. Правды за дядьку и кормилицу (*nutrix*), но и закрѣпилъ за ними переводомъ своимъ такое пониманіе. Признавали ихъ за тѣхъ же дядекъ и кормилицъ Карамзинъ II, 47, Соловьевъ I, 256, М. 1857, и др. Татищевъ, въ примѣч. къ 22 ст. Р. Правды, не объясняя, что такое кормилецъ, видитъ въ кормилицѣ „всякую жепу, имѣющую младенца у груди“: опредѣленіе въ данномъ случаѣ необъяснимое; но, видно, и во времена Татищева еще не легко взбродила на разумъ кормилица, грудь съ бусами на

nutrix—кормилица, библейская доилица; 2) gubernare, откуда нашъ лѣтописный «кормилецъ и воевода Будый», въ словарь Миклошича «кормитель и воевода—gubernator»; тамъ же *кормильница*—gubernans, и тамъ же общ. рода *корміія*, въ «Русской Правдѣ» *кормили* и *кормилица*, которые, по моему, всѣ, не исключая даже и Будыя, имѣють значеніе одни ключниковъ, другія ключницъ, а кромчій—неопредѣленно тѣхъ и другихъ. Но конечно ключника Будыя, напримѣръ, должно представлять себѣ не слишкомъ въ родѣ нынѣшняго, съ амбарными ключами у пояса и съ биркой, арсеналомъ отечественной бухгалтеріи, въ рукѣ; а скорѣе въ родѣ Анбала, ключника князя Андрея Боголюбскаго. Анбаль *ключникъ*, Ясинъ родомъ, тотъ *бо ключъ держалиеть у всего дома княжа, и надо встми* (вариантъ *надо встмъ*) волю ему далъ (князь). Такую же, вѣроятно, имѣла волю надъ женской дворней княгини Ольги Малуша

дебелой шеѣ; видно, еще не была эта должность, такъ сказать, штатной въ барскомъ домѣ, какою, по мнѣнію послѣдующихъ историковъ, была она у смердовъ во времена былинной Настасьи Микуличны и исторической Ингигерды Олафовны. Не ясно кто такіе „рабъ-кормилецъ и раба-кормилица, княжьи люди, а не земскіе“ у Вьялева (Лекціи по Исторіи Рус. законодательства, М. 1879, стр. 238; тамъ же стр. 216). Онъ признаетъ чисто-Русское происхожденіе за статьей (Византійскаго) суднаго закона: еще дадутъ дитя выкормити доильницѣ, а само разумѣть лжицу взяти, прокорма три гривны взяти. Къ доильницѣ этой отдавали будто бы „на воспитаніе, по старинному Русскому и Скандинавскому обычаю, трехлѣтнихъ и четырехлѣтнихъ дѣтей“. Почему же называлась она доильницей? *Доильница* библейское названіе кормящей грудью, *доилей* своего или чужаго младенца; а по Вьялеву выходитъ, что ребенка до трехъ и четырехъ лѣтъ кормила грудью мать, и потомъ наемная доилица, пока ребенокъ (въ какинъ же лѣта) не уразумѣть ложку взяти. Варианта *доильница* или *доильни* не знаетъ Археографическая Комиссія (Собр. лѣтоп. VI, 81) къ своему тексту: еще дадутъ дитя вскормити *должныи*, а само вразумѣть лжицу взяти. Конечно *доильница* (вариантъ ли, поправка ли Вьялева) тутъ умѣстнѣе *должныи*; по безвариантное повтореніе, въ столькихъ спискахъ Археогр. Комиссіи, неумѣстной *должныи* ясно, по моему, доказываетъ, какъ чуждо было понятіе о перодной доильницѣ Русскимъ переписчикамъ Византійскаго суднаго закона: гдѣ рѣчь о такѣ, о трехъ гриввахъ (2 $\frac{1}{2}$ фунт.) серебра, тамъ ужъ пишп *должныи*; все-таки складнѣе, чѣмъ *доильни*. Итакъ, въ самомъ ли дѣлѣ статья эта Русскаго происхожденія? Были ль у насъ наемныя доильницы до временъ теремной извѣжести боярынь, или даже будуарной барынь? И съ какихъ поръ, забывъ пластически-опредѣлительное названіе *доильница*, замѣнили мы его неопредѣлительнымъ (чѣмъ кормящая) *кормилица*? Въ Новомъ Загѣтѣ, по словарю г. Гяльдебранта, пѣтъ даже глагола *кормить* грудью или пищей; есть *питати*, *насыщати* (пищей) и *донти* (грудью), и есть *доильница*, мать поворожденнаго. Г. Забѣляинъ (Домашній Бытъ Рус. царицъ, М. 1869, стр. 495 и 506) говоритъ о царскихъ *кормилицахъ*, но документально, (стр. 498—500) ни терміна этого, ни даже факта не подтверждаетъ. Котошихинъ, впрочемъ, (I, 23) свидѣтельствуеть о фактѣ, но тоже не о терминѣ.

ключница, мать робичича, слѣдовательно рабыня, милостыница (любимица) княгини ⁴³⁾.

Въ старинныхъ актахъ часто встрѣчается, съ прошлаго вѣка почти безслѣдно исчезнувшій изъ употребленія, терминъ *исправа*, въ сущности тоже что *расправа*, и въ томъ же обычномъ сочетаніи: *судъ и расправа, судъ и исправа*, гдѣ *исправа*, какъ и *расправа*, является развязкой, послѣдствіемъ суда. Но очень часто *исправа*, какъ и *расправа*,

⁴³⁾ Ипат. 1175, Ипат. и др. 970. Въ „Р. Правдѣ“ одна изъ трехъ причинъ холопства—принятіе тиунства или ключничества безъ риды, безъ уговора о свободѣ; а се третье холопство—тиунство безъ риду, или привяжетъ ключъ къ себѣ безъ риду (Кал. II 102—104, III 119—121, IV 43—45). Смердъ (отъ смрада, дыма, эмблемы дома, домоіерархъ), давая тиунство или ключъ (т.-е. власть) кормилства въ дому, въ селѣ своемъ, кормилицу или кормилицѣ, искль возможности строжайшаго, именнo рабьяго изысканія съ нихъ, въ случаѣ злоупотребленія властью. Законодатель признавалъ и практичность господской цѣли и святость желанія слуги: нашлся—продался, холопъ; уговоръ лучше денегъ, свободень. *Власть*, въ другомъ произношеніи (о вмѣсто а въ корнѣ) и съ полногласнымъ префиксомъ *воласть*, съ другимъ префиксомъ *область*, и *ключъ* синонимичны въ смыслѣ авторитета (*auctoritas, potestas*) и въ смыслѣ округи. Луки XXII, 63: се есть ваша година, и *область* темная; въ Синод. переводѣ: теперь выше время, и власть тьмы, Марка XI, 33: ни азъ глаголю вамъ коею *областью* (властью) сія творю. Про область въ смыслѣ округи нечего и напоминать, но вотъ *ключъ* въ этомъ смыслѣ: „Се язъ староста Спасскаго Прилудскаго монастыря вотчины Околмонастырскаго *ключа* Путяня Никитинъ сынъ, деревни Шишкина, да язъ староста Запудюжскаго *ключа* Первуна Ивановъ, деревни Копьева, да язъ Михайла (и т. д. 11 именъ) и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Околмонастырскаго *ключа* и Запудюжскаго, дали есмь на себя запись старому своему охотняку Вылогодекой ямской слободы Кириловской дорога Насону Ильину: намъ старостамъ и всѣмъ крестьянамъ тѣхъ монастырскихъ *ключей* въ тѣ его подводы и въ убытки намъ обѣма *ключи* (обоими *ключами*) подмогати“ (Ак. Юрид. 192). Отъ *ключа* въ смыслѣ волости, округи и власти, авторитета въ пей, еще недавно, по Далю, волостной голова (по нынѣшнему старшина) назывался въ Рязанской и Тульской губ. *ключевымъ*. По-звнанднорусски *ключъ* дѣлится на фольварки и управляется *ключевоитомъ*. Я думаю, что въ выраженіяхъ: *ключъ* держашеть у всего дома, и держать *кормило* правленія, *ключъ* и *кормило* одинаково являются сперва орудіями, потомъ эмблемами и наконецъ синонимами власти. И какъ власть или область и *ключъ* сугубо синонимичны (въ смыслѣ авторитета и въ смыслѣ округи), такъ же сугубо синонимично съ ними, съ *ключемъ* какъ и съ властью или областью, наше *кормленіе*. Оно, нынѣшнимъ лзыкомъ говори, вмѣстѣ и власть волостеля—волостельство, и область волостеля—воласть. Документально доказать этого не могу, но отиѣчаю къ соображенію при дальнѣйшихъ изысканіяхъ, которыхъ очень стѣбитъ вопросъ о пресловутой системѣ и, предварительно, о спорной отчасти этимологіи кормленія. По Ипатск. список. Нестора, въ 942 году „родися Святославъ сынъ у Игоря“; въ 945 „Древляне убиша Игоря; Ольга же быше въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ дѣтскомъ (трехлѣтнимъ)

означаетъ не только развязку, но и всецѣло судъ. Измышленный составителями Положенія 19 Февраля волостной судъ не названъ по старинному сельскою или волостною расправою оттого, вѣроятно, что на либеральномъ жаргонѣ *расправа* понималась исключительно какъ наказаніе, или даже какъ истязаніе. Въ самомъ же дѣлѣ сельская расправа была судъ во всей его полности: разбирательство гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, и рѣшеніе, могущее состояться граждански постановленіемъ о взысканіи или скрѣпою мировой сдѣлки, и уголовно наказаніемъ или оправданіемъ обвиняемаго, прощеніемъ отъ потерпѣвшаго, и даже властнымъ помилованіемъ отъ міра. Все это, въ цѣломъ, какъ и по частямъ (и съ помилованіемъ въ томъ числѣ) выражалось въ старину терминомъ *исправи*. Сколь ни эластично такимъ образомъ понятіе *расправы* или *исправы*, оно все таки же понятіе довольно специальное сравнительно съ понятіемъ *суда*, которое издревле, во всѣхъ языкахъ (въ Русскомъ же особенно) растяжимо до крайности и можетъ означать не только всякаго рода *judicium, civile et criminale, ordinarium et duellicum* (поле), *seculare et ecclesiasticum*, и т. д., но и всякое обсужденіе, всякое совѣтное рѣшеніе. На вопросъ: о чемъ была сходка? крестьянинъ отвѣчаетъ: *судили* передѣлить землю, *судили* открыть приходскую школу. Вотъ почему, рядомъ съ терминомъ *судить*, понадобились Мономаху термины: сѣдше думати съ дружиною или люди *оправливати*; *поправимъ* сего зла (ослѣпленіе Василька), да аще сего не *правимъ*, то начнетъ брать брата закалати. Или въ княжьихъ договорныхъ грамотахъ: «а что ся учинить (случится) межъ насъ наше дѣло великихъ князей, и намъ отослати на то своихъ бояръ, и они съѣхався учинять *исправу*; а чего не могутъ *управити*, о чемъ ся сопруть (т.-е. чего не смогутъ межъ насъ разсудить, въ чемъ у нихъ дѣло станетъ за споромъ: отъ глагола *переть*—преніе, съпоръ, соперники, сопрутся, поспорять), и они ѣдутъ на третей (въ другой грамотѣ: ино третей имъ митрополить); и на кого помолвить третей (кого обвинить третейскій судья), и виноватый предъ правымъ поклонится».

Святославомъ, и *кормилецъ* бѣ его Асмудъ“. Въ 1054 умеръ Ярославъ 76-лѣтній; а въ 1018, когда ему слѣдовательно было 40 лѣтъ, „бѣ у Ярослава *кормилецъ* и воевода Будый“. У трехлѣтняго „кормилецъ его“, понятно, воспитатель, наставникъ, и если не *дядька*, какъ переводитъ кормильца Погодинъ, то только потому, что выраженіе это возбуждаетъ представленіе о старичкѣ съ ферулой въ рукѣ. Но у 40-лѣтняго „бѣ кормилецъ“, полагаю, уже никакъ не дядька, а конечно *правитель* и воевода; при томъ, очевидно, какой-то единственный правитель, не одинъ изъ многихъ, областныхъ; какой же, стало-быть? Очевидно, домоправитель, такой же *кормилецъ*, какъ у смерда въ „Русской Правдѣ“, что тамъ у князя *огнищный* или *князь тѣмъ*.

Въ глаголъ *исправити* глубоко залегла мысль объ исправленіи кривизны, о выпрямленіи. Иоанна I, 23: *исправите* путь Господень, буквально: выпрямите, *Εὐθύνατε τὴν ἑδὸν Κυρίου*. Святая Θεотокиста, постясь, до того исхудала, что, когда ловець, слѣдя добычу, попалъ въ пустынную, покинутую церковь, гдѣ молилась не имѣвшая одеждъ святая постница, онъ принялъ ее за паутину или за пыль, вѣтромъ взвѣваемую, и когда эта сѣнь (тѣнь) заговорила, у него отъ ужаса дыбомъ стали, выпрямились, *исправишася* власы главы его. По-нижегородски *исправить* значитъ исповѣдывать и, по отпущеніи грѣховъ или по епитиміи, причастить Св. Тайнъ. Какъ судебное исправленіе кривды, встрѣчается *исправа* и въ юридическомъ языкѣ древней Руси, напримѣръ въ княжескихъ договорныхъ грамотахъ: «а что мои намѣстници и волостели и поселскіе и ихъ тивуни вѣдали твою отчину и села боярскія въ твоей отчинѣ, и о томъ намъ отослати по боярину, и они о томъ учинять *исправу*, что будетъ (пошлинъ и кормовъ?) взято право, то осталось, а что будетъ взято *криво*, то отдати *по исправѣ*». Съ Екатерины, и еще на нашей памяти, не даромъ носилъ свое названіе служившій по выборамъ отъ дворянства предсѣдатель земскаго суда (земской исправы) *исправникъ*, нынѣ по назначенію отъ губернатора, начальникъ уѣздной полиціи: названіе слѣдовательно уже не соотвѣтствующее должности, послѣдній, затертый слѣдъ *исправы* въ современномъ юридическомъ языкѣ. Въ древнемъ, напротивъ, недолго искать *исправу* во всѣхъ отѣнкахъ ея значенія. Ограничимся хоть тѣми же уставными грамотами сборника г. Загоскина и договорными Румянцовскаго собранія, такъ какъ именно на одну изъ этихъ (договорную Дмитрія Донскаго) сослался г. Ключевскій для моднаго истолкованія кормленія посредствомъ оригинальнаго перетолкованія обычнаго въ нихъ выраженія *по исправѣ*, означающаго будто бы нѣчто вовсе непричастное суду; при чемъ о постоянномъ значеніи *исправы* и о безпрестанной встрѣчѣ этого термина въ тѣхъ же договорныхъ, и неоднократно въ той же Дмитрія Донскаго грамотѣ, г. Ключевскій умолчалъ. Приходится поэтому мнѣ ознакомить читателей, примѣрами изъ этой и изъ другихъ грамотъ, съ истиннымъ значеніемъ термина *исправа* и выраженія *по исправѣ*.

Оно уже встрѣтилось намъ: а что будетъ взято криво (неправо), то отдати *по исправѣ* (по судебному опредѣленію). Но *по исправѣ*, т. е. по суду, послѣдствіемъ суда можетъ быть и *казнь*, т. е. всякое уголовное наказаніе; а кто иметь насъ (князей) сваживати (или свадити, ссорить), *исправа* ны учинити, а нелюбья (другъ на друга) не держати, а виноватаго (свадника) *казнити по исправѣ*. Вотъ *исправа* какъ судъ вообще, въ одномъ случаѣ *judicium aulicum saesareum*, въ другомъ *judicium ordinarium*: «А гостю (торговцу) Двинскому гостити (торговать)

въ лодьяхъ и на возѣхъ; а въ лодьяхъ или на возѣхъ коли поѣдутъ, и намѣстники Устюжскіе и Вологодскіе ихъ не унимають (не задерживаютъ), а на Устюжѣ и на Вологдѣ и на Костромѣ ихъ не судятъ, ни на поруки ихъ не даютъ ни въ чемъ. А учинится татѣба отъ Двинскихъ людей съ поличнымъ, и нѣ (нехай, пусть) поставятъ ихъ съ поличнымъ передо мною передъ великимъ княземъ, и язъ самъ тому учиню *исправу*; а чего кто ѡметъ искати на нихъ, и нѣ (пустъ) учинятъ имъ срокъ передъ моихъ намѣстниковъ передъ Двинскихъ, и нѣ (пустъ намѣстники) учинятъ *исправу* имъ на Двинѣ. Тамъ же, въ уставныхъ сборника г. Загоскина, *исправа* въ смыслѣ помилованія: «а кто къ нимъ (Переяславскимъ рыбаловамъ) на пиръ или на братчину придетъ пити незванъ, и они того выплють вонъ безпенно (безнаказанно имъ), а не пойдетъ вонъ, и учнетъ у нихъ пити сильно (насилно, нахально), и учинится у нихъ тутъ какова гибель (какой гибудь изьянъ), и тому та гибель платити вдвое безъ суда и безъ *исправы* (безъ суда и помилованія), а отъ меня великаго князя быти ему въ казни» (подъ наказаньемъ). Варіантъ къ этому въ несудимой Чухломскому Покровскому монастырю: «и тому та гибель платити, безъ суда и безъ *правды*, вдвое, а отъ меня великаго князя быти ему въ казни». Отождествлять *правду* съ помилованіемъ, видѣть *правду* не въ казни, а въ милости—взглядъ глубоко-христіанскій, неискоренимо-присный Русскому народу. Терминъ *правда*, одинъ изъ самыхъ богатыхъ значеніемъ въ нашемъ древнеюридическомъ языкѣ, настоятельно требуетъ самыхъ пристальныхъ, безпредразсудочныхъ изученій. Въ данномъ случаѣ выраженія, очевидно однозначашія: безъ суда и безъ *исправы*, безъ суда и безъ *правды* не могутъ, мнѣ кажется, быть истолкованы иначе какъ: безъ суда и помилованія—тому, кто, незваный, нахально нарушилъ благочиніе приходской трапезы, братскаго пира, *братчины*.

Тавтологія—поговорочное сочетаніе словъ, непременно сродныхъ, пополняющихъ другъ друга: сбираться въ *путь-дорогу*, поднести *хлѣбъ-соль*, посадить *ни хлѣбъ - ни воду*, творить *судъ и правду*, *судъ и исправу*. Тавтологія *судъ и исправа* встрѣчается въ договорныхъ грамотахъ по нѣскольку разъ сряду: «а что будутъ твои бояре и твои люди имали и грабили моихъ боярь и слугъ, въ первое наше размирье, и имъ то отдати; а не отдадутъ, а на то *судъ и исправа*; а что князь Васплій Ярославичъ ималъ мою вотчину, или люди его грабили мою вотчину, а на то *судъ и исправа*; а обидному всему межи насъ *судъ и исправа*».

Но довольно. Приводить примѣры *исправы* во всѣхъ отѣнкахъ ея значенія нѣтъ надобности; читатели, полагаю, уже и такъ убѣдились,

что все это только отбѣнки. Пора перейти къ примѣру, избранному г. Ключевскимъ, одному изъ трехъ (*уинятъ исправу, межи насъ исправа, по исправъ*), встрѣчающихся въ договорной грамотѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго съ двоюроднымъ его братомъ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ, озаглавленной, какъ и всѣ подобныя грамоты въ Румянцовскомъ изданіи, на которое и ссылается г. Ключевскій: договорная... о судахъ и *расправахъ*. «А которой бояринъ поѣдетъ *изъ корьмленія*, отъ тебе ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тебѣ, а *службы не отслуживъ*, тому *дати корьмленье по исправъ*; а *любо служба отслужити ему*». Въ концѣ: «на семь на всемъ цѣловали есмы межи собе крестъ».

Я это понимаю такъ: если бояринъ къ тебѣ отъ меня съ управленія (*изъ корьмленія*) уѣдетъ, цѣлуй крестъ не давать ему у себя управленія (*корьмленія*) иначе какъ *по исправъ*, по суду надъ нимъ (суду, вѣроятно, депутатскому и третейскому, столь обычному въ договорныхъ грамотахъ); и либо судъ подвергнетъ его взысканію, либо (*а любо*) обяжется онъ вернуться и *отслужити* у меня свой срокъ управленія, послѣ чего и воленъ уѣхать; ибо, по постоянному выраженію договорныхъ грамотъ, «боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля»; только нѣтъ этой воли уѣзжать съ управленія (*изъ корьмленья*), *службы не отслуживъ*¹⁴⁾.

Кстати, вотъ, стало-быть, какъ смотрѣли на боярское кормленіе современники: не какъ на «прирожденное право кормиться, и кормиться какъ можно сытнѣе»; нѣтъ, а какъ на природенную обязанность служить, кормильствуя; такъ, что за невыполненіе этой обязанности вольный бояринъ подвергался, по договору между князей, *исправъ*, суду.

По г. Ключевскому, въ актахъ XIV вѣка, говорящихъ о кормленіи «кое-что» нежелательное будто-бы Д. Д. Голохвастову, а именно въ этомъ мѣстѣ договорной Донскаго, выраженіе: *дати корьмленье по исправъ* (да должно быть и вообще терминъ *исправа*), не имѣетъ ничего общаго съ судомъ, а просто есть таже нынѣшняя, только еще не усовершенствованная канцелярски форма: «по мѣрѣ *исправленія* службы». Доказывается это г. Ключевскимъ съ подстановками, стоящими

¹⁴⁾ Лаврент. Спб. 1872, стр. 238—252. Прологъ 9 Ноябри. Румянц. собр. I, пумсра въ порядкѣ мошкъ цитать, 36, 48, 43, 23, 49, 27. Договорныхъ этихъ тутъ, съ 1341 по 1531 годъ, нѣсколько десятковъ, и почти въ каждой *исправа, по исправъ*, по нѣскольку разъ. Н. Загоскинъ, LXXIV 1 (изъ Акт. Экспеди. I 13); LI 3, и въ другихъ семи уставныхъ.—Акт. Ист. I 125 (исправа—правда).

Казанскаго строенія. Выписавъ слова грамоты: «который бояринъ поѣдетъ изъ корьмленья, отъ тебе ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ, а службы не отслуживъ, тому дати корьмленье по исправѣ», «попытайтесь», говорить г. Ключевскій, «истолковать этотъ текстъ, понимая кормленіе въ смыслѣ управленія? Какъ могъ князь давать управленіе боярину, который пересталъ служить ему и перешелъ на службу къ другому князю?»

Что такое? Перечтемъ еще разъ. Какъ могъ князь (тотъ конечно, въ которому бояринъ уѣхалъ), давать управленіе боярину, который пересталъ служить ему (не ему, а тому, отъ котораго уѣхалъ) и перешелъ на службу къ другому князю (съ которымъ первый князь и договаривался: дай ему кормленіе, но по исправѣ)? Логомахическая ловушка тутъ въ томъ, что въ главномъ предложеніи и въ первомъ придаточномъ другой князь ступованъ съ первымъ княземъ въ одно лицо, закутанная, впрочемъ довольно прозрачно, въ вопросъ: какъ могъ князь давать управленіе тому, чей и слѣдъ простылъ? Ловушка должна зашибить отвѣтъ: никакъ не могъ.

«Потомъ, что значить», продолжаетъ г. Ключевскій, «дать не отслужившему службы боярину кормленье по *исправѣ*? Очевидно, это значить дать не все кормленье, а только часть его, соответствующую мѣрѣ *исправленія* службы, пропорціональную отслуженной долѣ службы. Попытайтесь подставить подъ терминъ кормленья значеніе управленія (предварительно «подставивъ» подъ терминъ *исправы* значеніе *исправленія* службы), и слова великаго князя утратятъ всякій смыслъ (еще бы!): ибо что значить покинувшему правленіе боярину дать за недослуженную службу управленіе по исправѣ, т.-е. *въ мѣру исправленія службы*?»

Ничего не значить.

Дальнѣйшія разъясненія исправы, какъ *семестральнаго* будто бы исправленія службы, опять всецѣло основаны на подстановкѣ нужнаго вмѣсто вѣрнаго. «По уставнымъ грамотамъ XV и XVI вѣковъ, опредѣлявшимъ права и границы власти кормленщиковъ», говорить г. Ключевскій, «намѣстники и ихъ тѣуны, прикащики получали кормы, извѣстные поборы съ управляемыхъ округовъ, *обыкновенно* два раза въ годъ (всегда три раза, кромѣ Бѣлозерской уставной, единственно въ ней—два раза въ годъ), на Рождество Христово (за тѣмъ всегда, кромѣ Бѣлозерской, на Пасху), и на Петровъ день. Кормленія *обыкновенно* давались на годъ, по крайней мѣрѣ въ XVI вѣкѣ; нуженъ былъ особый актъ, чтобы продолжить кормленіе еще на годъ или меньше. Если

годовой кормленщикъ покидалъ кормленье черезъ полгода, онъ имѣлъ право только на одинъ изъ двухъ полугодовыхъ кормовъ (а ихъ было три неполугодовыхъ); если кормленщику продолжалось кормленье на часть другого года, на грамотѣ иногда прописывалось, какую часть того или другого семестрального корма (а ихъ было три несеместральныхъ) могъ онъ получить за продолженіе службы; это и значило: *дати корзмленіе по исправѣ*».

А что же значило: виноватаго (въ свадѣ, въ ссорѣ князей) *казнити по исправѣ*, если *по исправѣ* значило *по мѣрѣ исправленія службы*? Какъ могъ князь, какъ ухитрился онъ свадчика, ссорщика *казнити по мѣрѣ исправленія службы*; какой службы, свадной, ссорной? Это вопервыхъ. А вовторыхъ: дати корзмленіе по исправѣ, если, по словамъ г. Ключевского, «это значить не все кормленіе, а только часть его, соотвѣтствующую мѣрѣ исправленія службы», то который же изъ князей долженъ дать боярину эту часть? Конечно тотъ, у котораго бояринъ исправлялъ службу? Съ кѣмъ же князь объ этой части договаривается? Стало-быть самъ съ собой.

Нѣтъ, *Казинское строеніе* подставлено всетаки солиднѣе этого *семестрального исправленія*: то хоть на курьихъ ножкахъ, а это на комарьихъ.

«Я не лингвистъ», говоритъ г. Ключевскій, «и не отваживаюсь углубляться въ невѣдомыя мнѣ тайны языковѣдѣнія. Но что мудренаго, *если окажется*, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двумя различными по значенію, но созвучными корнями, которые дали отъ себя два ряда производныхъ формъ, такъ же сходныхъ въ звуковомъ отношеніи, но различныхъ по значенію, изъ коихъ одинъ выражаютъ понятіе о питаніи, а другія понятіе объ управленіи. Въ церковно-славянскомъ языкѣ нѣкоторыя изъ этихъ производныхъ словообразованій *того и другую* корня (ужь не *если окажется*, а готово, оказалось два корня?) даже совершенно сходны въ звуковомъ отношеніи: крѣма—кормá и крѣма—пища, крѣмити—править и крѣмити—кормить. *Такія* разнозначція, но созвучныя словообразованія *разныхъ корней* не рѣдкость въ любомъ языкѣ».

Кормить въ смыслѣ питать и *кормить* въ смыслѣ управлять не суть два глагола разнокоренные и случайно-однозвучные, какъ на-примѣръ случайно-однозвучны совершенно-разнокоренные глаголы *крестить* крещеніемъ и *крестить* крестомъ.

Полная тема глагола кормить двугласная *корм*. Она явственна въ словѣ *скоромный*, отъ кормить—nutrire ¹⁵⁾, и въ народномъ: оттого

¹⁵⁾ Скоромный противоположность не-сытнаго, не-сѣтнаго, гдѣ *по* имѣетъ отрицательное значеніе, болѣе знакомое намъ въ обогласкѣ того же префикса чрезъ *а*: *па*. Ни-

у рыбы башка, что ей хвостъ *коромъ*, отъ кормить—*gubernare*. Въ старинной письменности, напримѣръ въ договорной Донскаго, встрѣчаемъ полуторогласную тему: *коръм-леніе*; это тотъ же *коромъ*, только еще не въ совершенно-махровой обогласкѣ кратковзвучнаго *г* въ древнѣйшемъ *кръм-ити*, питать и править.

Переходъ идеи *питанія* въ *воспитаніе*, въ руководство, въ покровительство, въ попечительство, въ опеку, въ управленіе, логически весьма ясенъ. *Воспитаніе*, начинаясь съ *питанія* молокомъ матери, съ *кормленія* грудью, продолжается гораздо долѣе, чѣмъ *воскормленіе*, но единственно по капризу нынѣшней лексикологіи. Въ четвертой (у Лютера второй) книгѣ Царствъ, X, 1—6, *кормитель* *Vormund*, котораго дѣло *вскормити* до возмужалости, въ синод. переводѣ *воспитатель*. И написа писаніе Иуй, и посла въ Самарію ко княземъ Самарійскимъ, и къ старѣйшинамъ, и ко *кормителямъ* (въ синод. *воспитателямъ*) сыновъ Ахаавлихъ (*zu den Vormündern Ahabs*), глаголя: узрите благаго и праваго въ сынѣхъ господина вашего, и поставите его на престолъ отца его. И бѣ сыновъ царевыхъ семьдесятъ мужей (*siebenzig Mann*), сн начальницы града *вскормиша* ихъ (*zogen sie auf*).

Что у насъ въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи *опекунъ*, въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія *попечитель*, то у Нѣмцевъ, по крайней мѣрѣ еще въ прошломъ столѣтіи, *Nutritor, Fürsorger von Schulen und Universitäten*.

Древнѣйшая редакція обычной статьи княжьихъ договорныхъ въ грамотѣ Донскаго такова: «а тобѣ, брату моему молодшему, мнѣ служить безъ ослушанія, по згадцѣ, какъ будетъ мнѣ и тобѣ слично; а мнѣ тебе *кормити* по твоей службѣ». Въ позднѣйшихъ договорныхъ, напримѣръ въ грамотѣ 1531 г. 24 Августа, вел. князя Василья Ивановича съ братомъ княземъ Юрьемъ Иваповичемъ, это краткое «тобе кормити» редактируется уже такъ: «а намъ (вел. князю съ 364-дневнымъ сыномъ, будущимъ Грознымъ царемъ) тебя (князя Юрья) жаловати и держати въ братствѣ и въ любви и во чти, безъ обиды, и печаловатися тобою и твоею отчиною». Что значитъ *печаловатися*? Въ древнѣйшихъ спискахъ «Рус. Правды», въ статьѣ объ опека надъ малолѣтними

примѣръ, сынъ одного изъ супруговъ другому *пѣ-сынокъ*, дочь *пѣ-дщерца*. Кленъ (*acer*) дерево отрицается въ кустовомъ своемъ видѣ предлогомъ *на* и уменьшительной формой, какъ и насынокъ: *пѣ-кленокъ* (*acer samprestre*), или же и просто *пѣ-кленъ*; другое его отрицаніе *нѣ-кленъ* (*acer tataricum*). Этими путемъ *пѣ-клена* и *нѣ-клена*, *пѣ-стно* выходитъ *не-сытно*, *без-кормно*, *не со-кормно*, *не съ-кормно*.

сиротами читаемъ: «аже будутъ въ дому дѣти малы, а не дюжи ся будутъ сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за мужъ, то кто имъ ближній будетъ, тому дати на руцѣ». И, по окончаніи опеки, о вознагражденіи опекуна: «зане кормилъ и печаловался ими». У Даля, по народному *печальникъ* и *печальница*, они же *печаль*: ты печаль моя, засткоушка моя (заступникъ или заступница); *печальничать* о сиротахъ, *печаловать* (призрѣвать) сиротъ; *печальмивый*, *пѣчный* челоуѣкъ (заботливый, не безпечный); *пекунъ* (опекунъ). Этимологически корень словъ *печалить-ся*, *пещися*, *попещитель* и *опекунъ* тамъ же, гдѣ практически начало пици, кѣрма: въ *печень*, въ *пещь*. Итакъ въ договорныхъ князей старѣйшаго съ младшимъ мнѣ тебя *кормить* значить вотъ что: любить и жаловать, держать въ братствѣ и чести (во чти), и печаловаться старѣйшему молодшимъ и его отчиною; значить быть ему въ отца мѣсто, по Ярослава Мудраго завѣщанію: «Сыновѣ мои, имѣйте межи собою любовь. Се поручаю столъ мой Кіевъ старѣйшему брату вашему Изяславу; сего послушайте, яко же послушасте мене; да будетъ онъ вамъ въ мене мѣсто. И рекъ Изяславу: аще кто хочеть обидити своего брата, но ты помогай его же обидять». Тоже что: печалуйся тѣми кого обидять, и ихъ отчинами. Все это, коротко ли долго ли сказанныя, тѣже права и обязанности власти домоіерарха, большака въ семьѣ; самая же немногословная формула этихъ правъ и обязанностей: *кѣрмити*. Власть большачества, семьи-кормильства, святой прообразъ Русскаго самодержавія. Царь землѣ, что и отецъ семьѣ, *кормилецъ* не о хлѣбѣ единомъ. Но только тѣмъ Русская земля не таже семья, что одному печаловаться ею выше силъ челоуѣческихъ. Повтому «съ вами землю Русскую держакъ лѣтъ 29», говоритъ, умирая Дмитрій Донской своимъ боярамъ, «подъ вами города держакъ и великія власти (волости)». Вотъ гдѣ необходимость боярскаго кормильства. По старой памяти, народъ, великій консерваторъ, все еще зоветъ барина кормильцемъ, какъ посредника кормильства государева ¹⁶⁾.

Но если такъ, если *кормить*—*nutrire* и *кормить*—*gubernare* одинъ и тотъ же глаголъ, то споръ о синонимичности кормленья съ питаньемъ или же съ управленьемъ не становится ли празднымъ словопреніемъ? Нѣтъ, ибо если понятія *nutrire* и *gubernare* почти еще нераздѣлимы въ образѣ напримѣръ родителей-*кормильцевъ* ребенка въ обоихъ смыслахъ, *nutrire* и *gubernare*, или въ образѣ большака-*кормильца*

¹⁶⁾ Рум. Собр. I 27, 160.—Калач. Рус. Пр. II 93.—Даль, подъ слов. *печа*.—Воскр. Лѣт. 1889. II. Г.—Во второй молитвѣ за молебпомъ въ день Св. Троицѣ читается: „Окоржи животь мой, словомъ всю тварь пейзаѣченною премудрости силоу управляя!“ т. е. управь жизнь мою. II. Б.

семьи, тоже не о хлѣбѣ единомъ: за то какъ рѣзко специализируются понятія *nutrire* и *gubernare* въ другихъ производныхъ того же корня. *Выкормокъ*. Какъ живо и какъ исключительно возбуждается этимъ словомъ понятіе *nutrire*, и напротивъ, словомъ *кормчій* понятіе *gubernare*. Къ которой изъ этихъ двухъ категорій словъ, къ словамъ ли отъ *nutrire*, какъ *выкормокъ*, или же къ словамъ отъ *gubernare*, какъ *кормчій*, принадлежитъ терминъ *кормленщикъ*, вотъ собственно къ чему сводится поднятый Д. Д. Голохвастовымъ вопросъ о кормленіи. Въ историкахъ нашихъ *кормленщикъ* возбуждаетъ, какъ и *выкормокъ*, живо и исключительно понятіе *nutrire*; намѣстничъ и тиунъ *кормъ*, по ихнему, тотъ же конскій *кормъ*, приспособленный къ потребностямъ всеядныхъ; *кормленье* боярское отличается отъ иныхъ *кормленій* обширностью звѣринца и кровавостью корма: звѣрей не кормятъ, какъ можно сытѣе, преступленіями народонаселенія, съ душегубствомъ въ томъ числѣ. Д. Д. Голохвастовъ, вспомнивъ *Кормчую*, *mea parvitas*, подобравъ еще кое-что, дерзнули, онъ высказать, *mea tenuitas* доказывать, что истинный смыслъ *кормленія*, кораблемъ ли Церкви Христовой, или рыбацкѣй ладьей, или Русской землей, одинъ и тотъ же, живо и исключительно возбуждающій понятіе *gubernare*. Но внятно и вѣрно данный Д. Д. Голохвастовымъ камертонъ этого смысла не нашель уха въ Русскихъ ученыхъ, уха *слышати*.

Итакъ, хотя *кормить*—*nutrire* и *кормить*—*gubernare* двѣ вѣтви одного корня, и живы еще отпрыски дичка, въ которыхъ *кормилецъ*—питатель и *кормилецъ*—властитель почти неразличимы; но за симъ обѣ корневныя вѣтви разрослись такъ далеко врозь, и къ ихъ когда-то двуединому понятію жизнь привила такое явноразличное значеніе, что не только не празднымъ, но прямо неизбѣжнымъ, элементарно-историческимъ является вопросъ: на которой изъ двухъ вѣтвей разцвѣлъ историческій терминъ *кормленіе*, на вѣтви ли забытаго историками, но церковно-запечатлѣннаго глагола *кормилствовати*, или же на вѣтви циническаго *кормиться*?

Да, циническаго въ нынѣшнемъ, научномъ примѣненіи, и подавно бы циническаго въ примѣненіи тогдашнемъ, живомъ и официальномъ. Вѣдь чтò выходитъ по *системѣ кормленія*? Государь, даровавшій уставную грамоту такому-то намѣстничеству; земщина, принявшая грамоту и сложившая ее на храненіе въ мѣстномъ соборномъ храмѣ, въ ларѣ на полатяхъ (на хорахъ); бояринъ-намѣстникъ, имѣющій при кормленыхъ дѣлахъ прѣтивень (копію) грамоты для неукоснаго руководства ею; всѣ они,—государь, его намѣстникъ и вся земля,—читаютъ въ грамотѣ о правахъ и обязанностяхъ державца *кормленія*, *кормленщика*, и понимаютъ подъ этимъ *кормежку кормящихся* «какъ можно сытѣе

на счетъ ввѣреннаго ему народонаселенія», а потому и называемаго намѣстникомъ, т. е. государевымъ замѣстителемъ въ кормленіи, не управленіи все-таки, а пуганіи. И никому имъ въ голову не приходитъ, что вѣдь этою этимологіей *кормленія* и логикою *намѣстничества* они eo ipso отрицають у себя *правленіе*, какъ фактъ и какъ понятіе, у нихъ не существующіе, имъ чуждые, имъ—т. е. всей Россіи времянь кормленія, съ Рюрика до Михаила Ѳеодоровича, по г. Чичерину, до Петра по г. Иловайскому. Признавая себя (страну живымъ кормомъ, бояръ потребителями, а государя распорядителемъ кормежки), они отрицають себя какъ государство, признають себя за стадо, которое *жалуетъ* волкамъ пастырь-наемникъ, пастырь волкъ въ овечьей шкурѣ. Если это не волчій цинизмъ, что-жь это, овечья наивность?

Возражая на «смѣлый выводъ (Д. Д. Голохвастова), что при такомъ значеніи кормленій Московское княжество не доросло бы до размѣровъ Россіи», г. Иловайскій говоритъ: «Московское государство развивалось и крѣпло, имѣя такое широкое и прочное основаніе, какъ могучая Русская народность, сплоченная во едино трудами великихъ князей Московскихъ и глубоко проникшаяся идеей царскаго самодержавія, которое *въ сословія*, всѣ народныя силы заставило тянуть общее государево тягло и всѣ ихъ направило на служеніе чисто-русскимъ интересамъ, подчиняя имъ *въ другіе интересы*. Московскій царь уже не былъ вождемъ по преимуществу дружиннымъ, какъ древніе князья, а воплотилъ въ себѣ идею, такъ сказать, всенародную: онъ стоялъ выше *всѣхъ сословныхъ отношеній и притязаній*». И онъ же г. Иловайскій утверждаетъ, что и при великихъ князьяхъ Московскихъ и при Московскомъ царѣ, и когда уже Татищевъ родился, «система кормленій была еще *въ ходу*», и тотъ же Московскій царь раздавалъ кормленія такъ, «чтобы всѣ бояре могли *покорниться* или нажать себѣ разное имущество». Если это не карикатурная иллюстрація къ высокопарнымъ фразамъ о самодержавіи, о его стояніи выше всѣхъ сословныхъ притязаній, о воплощеніи въ себѣ всенародной идеи; если и это не цинизмъ: чтожь это, тоже наивность?

Со стороны именно г. Иловайскаго, тутъ, относительно самодержавія по крайней мѣрѣ, конечно помысла нѣтъ о цинизмѣ; а просто—повторимъ его же восклицаніе—«тутъ вопіющее недоразумѣніе».

Выйти изъ этого недоразумѣнія два пути: или признать, что отъ предназначенія своего *кормильствовати*, а не *кормиться*, именовался государевъ намѣстникъ кормленщикомъ, и что кормленіе значило и было правленіе, а не кормежъ; или же (такъ какъ и абсурдъ требуетъ

последовательности) присоединиться, не вполонину, а уже вполнѣ, къ воззрѣніямъ автора очень извѣстной книги «Боярская Дума», по *системѣ* котораго: «центръ и провинція въ удѣльномъ княжествѣ, дворецъ князя и уѣздъ намѣстника съ волостелями, это почти тоже что въ частной вотчинѣ XV вѣка боярская запашка и земля отдаваемая въ оброчное пользованіе. Чего дворецъ не эксплуатировалъ самъ, предоставлено было мѣстному управленію. Органы этого мѣстнаго управленія, намѣстники и волостели съ своими тѣнами и (даже!) доводчиками, были правительственными арендаторами у князя-хозяина»¹⁷⁾.

Что тутъ говорится о *дворцѣ* или о князь-хозяинѣ арендныхъ статей, суда и правленія, тоже должно относиться и къ Московскому царю, такому же хозяину той же эксплуатаціи.

Итакъ: или признать «историческое значеніе слова кормленіе», или же циническое, но такъ, чтобы *система* была систематична, съ дворцомъ во главѣ.

Caesar non supra grammaticos; цезарь, но не Русскіе ученые. По грамматикѣ суфиксъ *щикъ* не можетъ имѣть ни страдательнаго, ни возвратно-объектнаго значенія; и никакой системѣ въ угоду не можетъ *выкормщикъ* быть то, что есть *выкормокъ*, и что могъ бы быть (по формѣ *воскормленникъ*) *кормленникъ*: объектъ кормленія, тотъ кого кормятъ, или кто кормится какъ можно сытнѣе. Какъ *выкормщикъ*, въ силу суфикса, лицо активное, тотъ кто кормитъ, такъ и безъ префикса *вы*, *кормщикъ*, удлиннено *корм(лен)щикъ*—тотъ кто, но не *кормитъ* конечно, а *кормитъ* (не съ хорейскимъ, а съ ямбическимъ удареніемъ), или, что тоже, *кормилъствуетъ*, кто *держитъ* кормленіе, или *за кѣмъ* область въ кормленіи¹⁸⁾.

Такъ же и выраженіе *держати* прижвимо по-русски только къ тому къ чему относятся дѣйственно (активно), властно, державно. Кто хозяйничаетъ, торгуетъ, судитъ, управляетъ, про того говорятъ: онъ

¹⁷⁾ В. Ключевскій, „Боярская Дума древней Руси“, стр. 119, перв. изд.

¹⁸⁾ Въ какой близкой грамматической связи *кормчій* съ *кормленникомъ*, съ *кормилцомъ* „Рус. Правды“ и съ *кормителемъ* сыновъ Ахававихт, явственно и по аналогіи. Слова на *чій* съ равнозначными суфиксами *икъ*, *ецъ*, *тель*, не рѣдкость, особенно въ старинномъ языкѣ: 1) *кормчій*, *книгчій*, *правчій* (лучеръ); на *икъ*: *кормщикъ* (по пародному) или *кормникъ* (въ летописи), *княжникъ*, *правщикъ*; 2) *кормчій*, *книгчій*, *пѣвчій*; на *ецъ*: *кормилецъ*, *чернопнижецъ*, *пѣвецъ* или *пѣснивецъ* (въ Библии); 3) *кормчій*, *правчій*, *пѣвчій*; на *тель*: *кормитель*, *правитель*, *пѣтель*.—*Кормщикъ* удлинняется въ *корм(лен)щикъ*, какъ въ „Рус. Правдѣ“ *кормица* (таже форма что *тѣвица*) удлинняется въ *корм(ил)ица*, или у Миклошича *кѣм(ильв)ица*, или *тѣвецъ* въ *тѣ(ски)вецъ*.

держитъ хозяйство, торговлю, землю, лавку. *Держать* судъ и расправу понинѣ говорится; во время оно говорилось: намѣстникъ *держитъ* кормленіе (управленіе) съ судомъ боярскимъ. Но чье отношеніе къ дѣлу пассивное, другимъ или себѣ объектное, кого напрімѣръ питаютъ или кто питается, про того мы, *profanum vulgus*, не говоримъ: онъ *держитъ* питаніе (кормленіе).

Такая же властность чувствуется намъ и въ выраженіи: «а коли (поколю) ты Борисоглѣбская *слобода* *будетъ* за *кормленщики* въ кормленіи». Быть *за мужемъ* говорится про подчиненнаго изъ супруговъ, но про властнаго изъ нихъ не говорится: быть за женой. *За женой* было имѣніе—значить, опять же, она имъ владѣла.

Безаналогичнаго не бываетъ въ языкѣ (какъ и ни въ чемъ на свѣтѣ) ничего. По аналогіи съ чѣмъ же чувствуютъ и сознаютъ наши ученые возможность приурочивать *питаніе* къ стариннымъ техническимъ, но вѣдь чисто же Русскимъ выраженіямъ: *держатъ* кормленіе, *за кѣмъ* кормленіе, и къ формѣ *кормлен-щикъ*? Неужели ученые и не думали объ этомъ, рѣшая?..

«Боюсь», говоритъ г. Ключевскій, «лингвисты, видя, какъ мы съ авторомъ (Д. Д. Голохвастовымъ) трудимся надъ корнесловіемъ (кормленія), сострадательно улыбнутся».

А можетъ быть, вспомнивъ, много ли сами они сдѣлали для этого корнесловія, смиренно вздохнуть. Я о нихъ лучшаго мнѣнія, чѣмъ г. Ключевскій.

Въ наше время, правда, господа Русскіе ученые (за немногими исключеніями и, *nomina sunt odiosa*, никого даже не подразумевая, ни въ исключительныхъ, ни въ правильныхъ) не умѣютъ быть учеными, не умѣютъ ставить науку выше злобы дня и, главное, выше самихъ себя; не умѣютъ поэтому относиться ни къ ней, ни особенно къ намъ неученымъ спокойно,

Не вѣдая ни *жуткости*, ни *глѣва*,

не представляясь Казанской сиротой, обижаемой почтенными гражданами, или не бранясь по предку, весьма *не-льцарски*. Не умѣютъ они сообщаться наукою съ неучеными, даровать и принимать; спѣсиво отвергая научную правоспособность внѣ синяго вицмундира, не умѣютъ угадывать научность вообще. Не хотятъ они понять, что наука, какъ и искусство, какъ и религія, не есть крѣпостная собственность профес-

соровъ, артистовъ, клира; что безъ участія общаго (идеально — даже всеобщаго) меньшей братіи возможны чиновничество, академизмъ, авторство, но не жизнь, не міръ церкви, искусства, науки.

Несовратимый идеалистъ,
Впередъ гляжу я безъ боязни;

а покажѣсть, пусть ихъ сострадательно улыбаются, буду продолжать, т. е. поскорѣе кончать складъ моихъ замѣтокъ изъ книгъ и жизни въ «архивъ». Вѣдь не правда ли, Петръ Ивановичъ, и вы надѣетесь, что изъ «Русскаго Архива» многое, со временемъ, всетаки перейдетъ въ Русскія книги и Русскую жизнь; вѣдь для того и пріютили вы въ вашемъ изданіи коротенькую, но капитальную замѣтку Д. Д. Голохвастова; для того и вызвали о ней (какъ сказано въ вашемъ примѣчаніи къ статьѣ г-на Ключевскаго) этотъ отзывъ знатока? Кроме знатока, г. Ключевскаго, отозвался и специалистъ г. Иловайскій; но онъ преимущественно на тему: «что сказать о людяхъ, которые хотятъ поучать специалистовъ?» Караулъ кричать; злодѣи, перепортятъ послѣднихъ какіе есть; ученаго учить, только портить. Знатокъ же г. Ключевскій, наглумясь надъ предполагаемой «внезапностью», «экстемпоральностью» лингвистическихъ свѣдѣній Д. Д. Голохвастова, рѣшилъ, что толкованіе кормленія не въ кормежномъ смыслѣ можно только выдумать и, съ силою явно-субъективнаго творчества, накидалъ цѣлый этюдъ такого выдумыванія, цѣлую псевдонимную исповѣдь. Вотъ г. Голохвастовъ читаетъ въ первой статьѣ г. Иловайскаго слова лѣтописца о Казанскомъ строеніи и о какомъ-то кормленіи. «Все это еще ничего», говоритъ себѣ будто бы г. Голохвастовъ. Но вотъ онъ, дотошъ знать не знавшій, вѣдать не вѣдавшій ни о школьномъ кормежномъ, ни о своемъ будущемъ толкованіи кормленія, наткнулся на «неосторожную (?) прибавку», сдѣланную г. Иловайскимъ въ поясненіе словъ лѣтописца по кормежному толкованію. Г. Голохвастовъ «въ смущеніи», «въ безвыходномъ недоумѣніи» отъ ошеломляющей логичности этого толкованія, логичности исторической, грамматической и всяческой. Но хитрый упрямецъ, онъ ищетъ выхода изъ безвыходнаго; во что бы то ни стало, «ищетъ отрицательнаго отвѣта на тревожный вопросъ»...

Почему же тревожный? Назывались ли бояре кормленщиками отъ прирожденнаго права какъ можно сытнѣе *кормиться народонаселеніемъ*, т. е. буквально *мироудствовать*, или же отъ прирожденной обязанности, съ дворцомъ во главѣ, кормить землю: вотъ вѣдь въ чемъ вопросъ. Что же въ немъ *тревожнаго*?

Интересный бы отвѣтъ на это пришлось вамъ напечатать, Петръ Ивановичъ, не слабый мой отвѣтъ, и не годъ цѣлый спустя, если бы многолѣтній тяжкій недугъ Д. Д. Голохвастова въ этотъ годъ не сломилъ въ немъ послѣднихъ силъ (кромѣ силы духа, слава Богу!) Но прервемте наше а parte,—читатель ждетъ.

Словà отъ кормить — *nutrire* понывѣ живутъ и множатся, даже слишкомъ, на чужой счетъ множатся, у историковъ по крайней мѣрѣ; но словà отъ кормить—*gubernare*?

Въ литературномъ языкѣ осталось, кажется, только *корма* и прилагательныя отъ нея. Кормило и кормчій возможны въ возвышенномъ слогѣ, въ прозѣ они руль и рулевой. Говорится: сядьте къ рулю; но сядьте къ кормилу и правьте ко хранинѣ—не говорится.

У народа уцѣлѣли, и то не повсемѣстно: *корма* съ прилагательными, *кормщикъ* и *кормъ*¹⁹⁾, и крѣпко держится по всей великой Руси чрезвычайно-задушевное слово *кормилецъ*. Вопросъ: отъ кормить *nutrire* оно, или отъ кормить—*gubernare*?

Почему говорятъ *царь-дѣвица*, а не царица-дѣвица? Потому что царица значить жена царя, царевна дочь царская; а *царь*, супругъ ли онъ, отецъ ли онъ, царственно-властное лицо, чтó и требуется выразить про эту дѣвицу.

Мать ли въ народѣ не *кормилица*, и грудью, и стряпней своей; и народъ знаетъ и любитъ это слово, земля—*кормилица* у него постоянно; *кормилица* ему и корова и лошадь, пожалуй; но мать никогда по народному, по крестьянски, не называется ни *кормилицей*, ни *родительницей*. Сынъ, какъ отцу говоритъ: кормилецъ-батюшка, такъ, въ той же мужской формѣ, и матери: *кормилецъ*-матушка; какъ родитель-батюшка, такъ и *родитель*-матушка. Въ среднихъ сословіяхъ говорятъ *родительница*, понимая и *родителя* уже по литературному—непосредственно отъ глагола *родить*, а не по народному—отъ существитель-

¹⁹⁾ Кормъ, кажется, не только *gubernatio*, дѣйствіе, но и *gubernaculum*, орудіе управления. У Миклошича *крьмилникъ*, *крьмилло* и *крьма* одинаково *gubernaculum*. Кормчій въ Подняпровьѣ *стерновой*, явно одного корня съ древнеиѣмецкимъ *Sturmeister*, съ нынѣшнимъ *Steuermann*, Англ. the steersman, Польск. *sternik*. У Даля неясно, одно ли и тоже *стырь* и *стерно*. У Миклошича *стрынь* *clavus quo regitur gubernaculum*. Случайность ли такое совпаденіе: das *Steuerruder* кормило (*кормъ*?), die *Steuer* подать (*кормъ*?), der *Steuermann* *кормщикъ*, der *Steuerherr* (*кормленщикъ*?), *steuern* чтó по Англ. to steer a ship, и *steuern* платить подать.

наго *родъ*. Родъ же значить все старѣйшее, восходящее родство ²⁰⁾. Власть старѣйшинства, домопресвитерства, домокормильства, эта святая власть и выражается въ словахъ *родитель* и *кормилецъ*; и слова эти, какъ выраженія власти присно-мужеской, отеческой, живутъ въ одной мужской формѣ про обоихъ двуединыхъ общниковъ *родительскаго кормильства*.

По логикѣ всѣмъ знакомаго словосочетанія *царь-дѣвица*, явственъ и тутъ логическій выводъ: ежели мать *кормилецъ*, а не *кормилица*, какъ было бы отъ груди и отъ печки, то и отецъ *кормилецъ* не о хлѣбѣ единомъ, и существенно не о хлѣбѣ.

По народному *батюшка* и *матушка* тавтологичны съ очень немногими словами: царь-батюшка и матушка-царица, баринъ-батюшка и матушка-барыня; они же и *кормильцы*. Никогда я не слыхивалъ: батюшка-купецъ; и полагаю, какъ бы жирно ни кормилъ рабочихъ фабрикантъ, никогда не услышитъ онъ отъ нихъ: кормильцы вы наши, что доселѣ постоянно слышитъ староосѣдлый вотчинникъ, и почему-то всегда во множественномъ числѣ: кормильцы; и не по тавтологіи *кормить-поить*; никогда: кормильцы-поильцы вы наши. Почему это? Потому что вовсе не отъ кормить-поить, а отъ патриархальной власти кормильства вотчиною, кормильства семейнаго съ женой, и родоваго, отъ предковъ, были и останутся народу «кормильцы вы наши» — не скажу кто, только не разночинцы.

Но вѣдь народъ памятливый историкъ; его «вы наши кормильцы» обращается не только къ роду вотчинника, но и къ сословію, ко всей дружинѣ кормщиковъ (удлиненно кормленщиковъ) земли, ко всему роду племени тѣхъ,

Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля.

Не оглохнувъ отъ либеральнаго шума въ головѣ и умѣя слушать народъ, нельзя въ этомъ обслышаться. Да и провѣрка на лицо.

Всего чаще вызывается жизнью то задушевное слово про царя-государя: онъ богоданный въ роды и роды *кормилецъ* всей святой Руси.

²⁰⁾ Молодшее, нисходящее родство, по народному — *племя*. Когда говорятъ: у него въ роду всѣ богатыри, то рѣчь не о немъ, ни о дѣтяхъ его, ни о братьяхъ, а только о восходящемъ родствѣ; все его *племя* богатырское — рѣчь о его сынахъ и внукахъ, только о нисходящемъ родствѣ. Въ былинахъ у богатыря спрашиваютъ *рода-племени*, значить кто его родители (родъ) и кто самъ онъ (племя ихъ).

Апогей прототипа, пресвитерство во всеземскомъ братствѣ—власть царская такая же вѣчная и цѣльная, неотмѣнимая и неограничимая, какъ и самый прототипъ ея—пресвитерство въ семьѣ, въ домашней церкви, по Апостолу. Апогей единственной исто-законной земной власти—власть царскаго землекормильства, какъ и власть родительскаго домокормильства, искони своя народу. И разумѣется, именно по ея патріархальности, по ея естественной, присной святости, власть эта, какъ въ прототипѣ такъ и въ апогеѣ, не подлежитъ концу. Но такъ же и потому же не подлежитъ концу и средній, между избой и всею землей, необходимый типъ, типъ мѣстнаго, боярскаго кормильства. Словами незабвенными въ исторіи боярства свидѣтельствуемъ о ихъ кормильствѣ Донской, въ малолѣтство, какъ и во все государственіе котораго (да и только ли въ его государственіе?) бояре немало со-служили Россіи: съ вами землю Русскую державъ, говоритъ онъ предъ лицомъ Всевышняго, въ гробъ сходя. Онъ не разъединяетъ ихъ съ собой; какъ же разъединить ихъ съ народомъ? И народъ не разъединяетъ ихъ съ собой, и народъ свидѣтельствуемъ о народности боярскаго кормильства, величая настоящаго барина тѣмъ же словомъ, что и отца роднаго и Царя Православнаго, словомъ алмазно-яснымъ и алмазно-прекраснымъ: *кормилецъ-батюшка* ¹⁴⁾.

Неужели однако ученые не приводятъ больше ничего и, главное, ничего посерьезнѣе въ опроверженіе мысли Д. Д. Голохвастова? Приводятъ, еще два текста, но опять же такіе, что, если бы я не собирался подарить имъ третій—посерьезнѣе, объ этихъ двухъ и толковать не стоило бы. «Можетъ-быть», говоритъ г. Ключевскій, «рядомъ съ приведенными текстами пригодится и слѣдующее мѣсто *изъ приговора царя съ боярами 1556 года*: по се время бояре и князи и дѣти боярскія сидѣли по кормленіямъ по городамъ и по волостямъ *для расправы модямъ* (вотъ стало

¹⁴⁾ К. П. Побѣдоносцевъ, Курсъ гражд. права, т. II, изд. 3, стр. 156, опредѣляя Римскій и Германскій типы родительской власти, говоритъ: „Отцовская власть въ Римѣ приближалась характеромъ къ праву собственности. Въ противоположность Римскому, Германское начало родительской власти есть начало нравственное, начало защиты, попечительства и попеченія—*tutium*“. Этими словомъ, кажется, ближе всего передается *кормильство* въ его пресвитерскомъ смыслѣ. Средневѣковое Латинское *tutium* произошло отъ древне-пѣмецкаго Munt.—Benecke (Müller und Zarneke) *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*, Munt: das mittellat. *tutium* ist aus diesem Worte gebildet. Отсюда и Vormund, Mündigkeit.—Munt переводятъ, между прочимъ, Vogtschaft (правленіе, коромъ); но первоначальное значеніе Munt, кажется, тоже что Mann и Mahl (Gemahl). Munttot значить *bürgerlich todt*, лишенный чести и правъ свободнаго мужа. Muntberg тоже что Brodherr. Mann и Mahl повторяются въ нашемъ древнемъ *манжесъ* и *малжесъ*.

быть первая, главная цѣль кормленія) и всякаго устройства землямъ (вторая, общая его цѣль) и себѣ (наконецъ) отъ служебъ *для покоя и прекормленія*.

Начать съ того, что это не *изъ приговора царя съ боярами*, котораго нѣтъ; а изъ позднѣйшаго лѣтописнаго разсказа о приговорѣ, такъ что въ самомъ приговорѣ могло и вовсе не быть разглагольствованія о покоѣ и прекормленіи. Но если бы и вправду изъ самаго приговора, а не изъ Никоновскаго веледѣчиваго лѣтописца выписать г. Ключевскій эти слова, что же должны мы заключить изъ нихъ? Что и для нуждавшагося въ покоѣ и прекормленіи стараго или израненнаго служака, что было ему на роду написано, на честномъ его роду боярскомъ, то до гробовой доски и оставалось на первомъ планѣ: служба, если не въ полѣ ратномъ, не въ посольствѣ дальнемъ, такъ по городамъ или волостямъ «судъ и исправа (*расправа*) *людямъ и всякое землямъ устройство*». Истинно, ужъ только развѣ «рядомъ съ приведенными (у г. Ключевскаго) текстами, можетъ-быть пригодится и это мѣсто» въ доказательство, что кормленіе, суть коего *расправа* *людямъ и всякое землямъ устройство*, не значить *gubernatio*.

Другой текстъ (конекъ систематистовъ кормленія, на которомъ выѣзжалъ и г. Чичеринъ, выѣхалъ конечно и г. Иловайскій, конечно и г. Ключевскій): «здѣсь мнѣ билъ челомъ Яковъ Захарычъ», пишетъ Иванъ III-й Костромскому намѣстнику Судимонту, «что вамъ обѣма на Костромѣ *сытымъ быти* не съ чего». По *сытости*, которая тутъ историками молча подчеркивается, чтый да разумѣеть этимологию *кормленщика*; но и *кормщика*: тоже отъ глагола *кормиться*, ибо и онъ *кормомъ сытъ живетъ*.

А вотъ незамѣченный историками текстъ, единственный, сколь мнѣ извѣстно, оправдывающій, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, ученую этимологию кормленія. Въ Важской земско - уставной грамотѣ читаемъ: «Важскаго-де имъ *намѣстника* (жалуются Важане) и *пошлинныхъ людей* впредь *прокормити* не мочно» ²¹⁾

Удивительно, коли такихъ текстовъ не найдется и еще. Термины отъ кормить—*gubernare* въ живомъ языкѣ забыты, административные вовсе, навигаціонные—почти, даже у народа. Но вѣдь термины забываются не сразу; они сперва, болѣе или менѣе неудачно, пересмысливаются; подавно, ежели есть къ тому поводъ, не только въ тавтофоніи, но и, какъ тутъ, въ прямой однокоренности и въ естественной

²¹⁾ Никон. Лѣт. Слб. 1791, VII 259.—В. Н. Чичеринъ, Обл. учр. 7.—Ар. Ист. I 110.—Ар. Эксп. I 234.

постепенности понятій nutritio, mundium, gubernatio. Въ царскія времена административные термины отъ кормить—gubernare, очевидно, уже исчезали изъ языка. Во всѣхъ уставныхъ сборника г. Загоскина только однажды встрѣчается *кормленщикъ* и *кормленіе*, въ вышеприведенныхъ словахъ грамоты царя Ѳедора Ивановича Борисоглѣбской слободѣ ²³⁾. Во второмъ Судебникѣ *кормленіе*, кажется, только повторяется въ двухъ-трехъ мѣстахъ, взятыхъ изъ перваго. Долго и крѣпко держится только названіе подати *кормъ*; но привычныя названія пошлины и особливо податей, обращаясь почти въ имена собственные, переживаютъ иногда и самую причину названья; *коромъ*, *кормъ* причины своей всетаки не пережили, какъ пережила свою *тама* напимѣрь. Въ уставныхъ грамотахъ, вплоть до послѣдней до насъ дошедшей, начала XVII вѣка, *кормъ* исключительно подать кормильствующимъ, строго отличается отъ *побора* не кормильствующимъ и отъ *пошлины*, получаемыхъ тѣми и другими; а Ваяне въ половинѣ XVI вѣка уже говорятъ про всѣхъ *пошлинныхъ людей*, какъ и про *наместника*: *прокормити* не мочно. Старинное: мнѣ тебе *кормити*, уже и при отцѣ Грознаго: намъ тобою и твоею отчиною *печаловатися*. *Кормильцевъ* въ «Рус. Правдѣ» и въ эти вѣка переписываютъ, не замѣняя и не поясняя, но вновь уже не пишутъ; слово, стало быть еще понимается читающими, но уже не говорится. Не смѣю утверждать, но кажется такъ: «Книга глаголемая *Крѣмчій*» (т. е. книга называемая Правитель?) въ спискахъ этого времени начинаетъ называться, уже не столь живо и ясно, прилагательнымъ *Кормчая*. Вообще *кормить* уже видимо уединяется въ *nutrire*. И только народное *кормилецъ*, чѣмъ болѣе теряетъ свои житейскія видоизмѣненія,—*кромчій*, *кормлица* (ключница), *кормилецъ* (тиунъ, у Миклошича *кормитель*), *кормленщикъ*, и даже *кормчій* (стерновой),—тѣмъ лишь завѣтнѣе обособляется въ величаніе власти первичной и вѣчной, пресвитерской.

И разумѣется такова судьба не одного *кормленія*: забывались или обезсмысливались и многія другія слова. Ученые знаютъ слово *изгой*, но былинное *гой еси*—у нихъ въ грамматикахъ, въ словаряхъ (даже, помнится, въ Академическомъ) *междометіе*. Какъ будто можно сказать: ура *еси*; и будто нѣтъ глагола *гойть*, т. е. только въ другомъ выговорѣ—*живить* (рана *загоилась*—зажила). Старинное: пограбили всю жизнь его или весь *животъ*, всѣ *животы*, т. е. *жилы* и *пожитки*, которыхъ хозяинъ *житій*. Онъ же, только въ другомъ произношеніи, *гой*.

²³⁾ Загоскинъ, Уст. Грам. III 18.

Всѣ пишутъ *поднаготная* (отъ *наготъ*). И вотъ какъ объясняютъ это безобразное слово ²⁴). Какой-то палачъ будто бы съострилъ: не скажешь *подлинную* (*подъ длинными*, *подъ кнутъями*, съ дыбы), скажешь *поднаготную* (съ лютѣйшей пытки, вонзанья спиць *подъ кожей*). Въ чемъ первая двусмыслица—понятно; но вторая-то въ чемъ же? Въ томъ, что по народному *поднаготная*, что *подъ наготой*, что въ душѣ человѣка. Гдѣ народъ отчетливо выговариваетъ безакцентные *о* и *а*, тамъ, и безъ обычнаго жеста рукой за сердце, понятно, что значить: этой поднаготной подоплека не учуетъ. Подоплека (под-оплечье), подкладка подъ верхней половиной рубахи, она всего ближе къ голой груди, къ сердцу; но даже и ей не учуютъ, что тамъ подъ наготой, за дышащей грудью, за душой, на сердцѣ. *Поднаготная* это весь задушевный міръ, всѣ сердечныя тайны человѣка. Но литература небрезгливо облюбовала каламбуръ, продуктъ палачьяго юмора, *поднаготную*, и не подъячьяго ли юмора каламбуръ: *кормленіе* боярское?

Татищевъ конечно не изобрѣтатель, а только литературный инициаторъ, и только обезтолковки, а не *системы* кормленія.

Итакъ, съ одной стороны: мои Важане, и господь ученыхъ челобитчикъ алчущій *покорमितься воеводствомъ*; *кормъ доводчиковъ*; Судимонтова сытость, и прочихъ покой и прекормленіе; Казанское строевіе, и монологъ Довскаго о семестральномъ *исправленіи*.

Съ другой: договоръ объ *исправъ* за отъѣздъ съ кормленія; *кормилецъ* у 40-лѣтняго Ярославъ; вира за убійство *кормильцевъ* и *кормильциъ*; слово общаго рода *кормилъ*; суфиксъ слова *кормленщицкѣ*; термины *держатъ* кормленіе и *за кѣмъ* кормленіе; *кормъ* кормленщика и не *кормъ*, а *поборъ* доводчика; народное *кормѣ* и древнее *кѣмля* црковная; Церковь правѣ *кормильствующиъ*, и народное *кормилецъ*.

Которой же стороны аргументы сильнѣе: *nutritio*, боярское *кормленіе*, или даже не *gubernatio*, а именно *mundium*?

Ино въ томъ третей намъ читатель, и на кого помолвить третей, и виноватый предъ правымъ поклонится; а нелюбя не держати.

Павель Голохвастовъ.

²⁴) Г. Максимовъ въ „Новомъ Времени“ въ цѣломъ рядѣ статей о малопонятныхъ или невѣрно понимаемыхъ словахъ. Моего объясненія *поднаготной* нѣтъ у г. Максимова.